

Серия «Сказочные. Семья не выбирается»

Лена Левина

КОЩЕЙ
бессмертен.
Любовь - нет

Лена Левина

Кощей бессмертен.

Любовь - нет

<https://litres.ru/74003826>

SelfPub; 2026

Аннотация

В современном мире сказки никуда не исчезли. Они просто научились пользоваться юристами, банками, порталами и хорошим кофе.

Мира Сказова — адвокат по делам, о которых обычные люди предпочитают не знать. Развод с домовым, наследство русалки, проклятый договор — всё это часть её работы. Но однажды к ней попадает дело о признании Кощея Бессмертного умершим.

Проблема в том, что Кощей жив. Очень жив. Опасно красив, невыносимо самоуверен и крайне недоволен тем, что его пытаются похоронить раньше времени.

Теперь Мире придётся доказать, что самый известный бессмертный сказочного мира всё ещё существует, и выяснить, кто охотится за его смертью.

Она не собиралась связываться с Кощеем. Он не собирался никому доверять. Но между раздражением и притяжением иногда всего один шаг.

Содержание

Глава 1. Покойник пришёл лично	4
Глава 2. Наследство бессмертного	33
Глава 3. Палата переходных прав	74
Глава 4. Клиент не должен кусать адвоката	108
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Кощей бессмертен.

Любовь - нет

Глава 1. Покойник пришёл лично

Домовой сидел на краю стола, болтал босыми пятками и с видом оскорблённого аристократа отказывался признавать себя совместно нажитым имуществом.

— Я, между прочим, личность, — заявил он, поправив жилетку, шитую из кухонного полотенца. — У меня характер, вредные привычки и аллергия на его новую жену.

Мужчина напротив Миры Сказовой побагровел так старательно, словно надеялся выиграть спор не аргументами, а оттенком лица. Рядом с ним сидела женщина в дорогом пальто, с идеальной укладкой и выражением человека, который пришёл за справедливостью, но по дороге решил прихватить ещё и чужой холодильник.

— Он жил в моей квартире, — упрямо повторил мужчина.

— Я жил при батарее, — уточнил домовый. — Это разные вещи. И вообще, Витя, квартира была записана на твою мать, а ты там только пыль разводил и носки под диваном культивировал.

— Вы слышите? — Витя ткнул пальцем в домового. —

Он меня оскорбляет.

— Пока только характеризует, — спокойно сказала Мира.

Она сняла очки, положила их рядом с раскрытой папкой и посмотрела на клиента так, как обычно смотрела на людей, добровольно приносящих ей головную боль в красивой обложке. За окном её кабинета Москва жила обычной пятничной жизнью: машины стояли в пробках, прохожие спешили к метро, курьер на электросамокате почти сбил мужчину с пакетом из пекарни, а над крышей соседнего бизнес-центра лениво переливалась защитная руна, которую обычные люди принимали за рекламную подсветку.

Офис юридической конторы «Сказова и партнёры» занимал весь третий этаж старого особняка в тихом переулке недалеко от Чистых прудов. Вывеска у входа обещала помощь в имущественных, наследственных и договорных спорах. Ни слова о проклятиях, домовых, русалочьих алиментах, кредитах под залог души и спорах о праве пользования заколдованными зеркалами. Мира считала, что лишняя честность вредна для бизнеса, а магический мир и так прекрасно находил дорогу к её двери.

— Давайте ещё раз, — произнесла она тем голосом, после которого даже судебные приставы начинали вспоминать о вежливости. — Вы хотите включить домового Федота в раздел имущества после развода?

— Да, — отрезал Витя.

— Как бытовую технику?

— Как ценность.

Федот оскорблённо икнул, потом спрыгнул со стола, шлёпнул босой пяткой по паркету и выпрямился во весь свой рост. Рост у него был с трёхлитровую банку, но достоинства хватило бы на генерала.

— Я ему, значит, двадцать лет чайник грел, носки прятал, тёщу из кухни выживал, тараканов воспитывал, чтобы строем ходили, а он меня в ценности записал. Мира, родная, засуди его до седьмого колена.

Женщина в пальто, новая избранница Вити, брезгливо поджала губы.

— Я вообще не понимаю, почему мы должны слушать это существо.

Федот медленно повернул к ней голову.

— Существо, между прочим, дважды спасало его от пищевого отравления. Первый раз, когда он решил, что пельмени, покрытые инеем с прошлого века, ещё ничего. Второй раз — когда ты приготовила рыбу.

— Это было дорадо!

— Это был вызов санитарным нормам.

Мира кашлянула, скрывая улыбку, и сделала пометку в блокноте: «Клиент неадекватен. Домовой прав». Потом зачеркнула второе предложение, потому что в суде оно звучало бы недостаточно профессионально.

— Федот не является объектом гражданских прав, — сказала она. — Он не вещь, не имущество и не приложение к

квартире. Если говорить совсем официально, он хранитель дома, связанный с очагом и добровольным договором проживания.

— Вот! — оживился домовый. — Добровольным. А с этой я добровольно жить не буду.

— Почему? — обиделась женщина.

Федот смерил её взглядом от лакированных сапог до жемчужной заколки.

— Ты на кухне соль в сахарницу пересыпала и сказала, что так красивее. Я с такими не уживаюсь.

— Госпожа Сказова, — Витя подался вперёд, стараясь говорить мягче, но выходило так, будто он проглотил гвоздь и теперь пытался быть воспитанным с гвоздём внутри. — Я готов решить вопрос мирно. Пусть домовый остаётся у меня. Бывшая жена получит компенсацию.

— Ваш бывший домовый уже дал понять, что не хочет оставаться с вами.

— Он не может решать.

— Может, — вмешался Федот. — И уже решил. Я переезжаю к Ларисе. Она блины печёт и с тапками разговаривает уважительно.

— Тапки не требуют уважения, — прошипел Витя.

— От тебя — уже ничего не требуют, — отозвался домовый.

В приёмной за дверью что-то грохнуло. Мира подняла глаза к потолку. Люстра над столом едва заметно качнулась, хо-

тя окна были закрыты. Через секунду раздался возмущённый голос её помощницы:

— Нельзя есть печать! Выплюньте немедленно!

Федот встрепенулся.

— Это не ко мне.

— Надеюсь, — сказала Мира и встала. — Сидите здесь. Никого не проклинать, мебель не двигать, сахарницу не обсуждать.

— А если он первый начнёт? — спросил домовой.

— Особенно если он первый начнёт.

Она вышла в приёмную и увидела Милу, свою помощницу, которая держала в одной руке папку с документами, а другой пыталась отнять у маленького чёрного кота сургучную печать. Кот был не их. В офисе у Миры вообще не было котов, потому что Кот Баюн, однажды заночевавший на диване в переговорной, спел бухгалтеру колыбельную так проникновенно, что та проспала два рабочих дня и проснулась с желанием уволиться в пастушки.

Нынешний кот выглядел обычным, если не считать того, что глаза у него светились синим, а хвост заканчивался маленьким дымным завитком.

— Он пришёл с курьером, — сказала Мила. — Курьер убежал. Кот остался. Печать ест.

— Коты обычно так не делают.

— Я ему тоже сказала.

Кот поднял морду и посмотрел на Миру с выражением хо-

лодного превосходства.

— Ммяу, — произнёс он.

Печать на его языке вспыхнула красным, взвизгнула тоненько и рассыпалась пеплом.

Мила отступила.

— Это было «мяу» с юридическими последствиями?

— Скорее с магическими, — ответила Мира, забирая у неё папку. — Откуда документы?

— Курьер оставил в журнале только подпись. Точнее, не подпись. Кляксу. Но очень уверенную.

Мира провела пальцем по краю папки. Бумага была плотной, дорогой, холодной на ощупь. Не офисная печать, не банковский конверт и не судебская корреспонденция. На обложке стоял герб магического нотариата — серебряная сова с ключом в когтях. Под гербом тянулась тонкая чёрная нить заклатья, запечатывающая содержимое от чужих глаз.

Кот снова мяукнул и, решив, что его миссия выполнена, прыгнул на подоконник. Стекло послушно стало туманным. На мгновение в нём отразилась не улица, а тёмный лес с мохнатыми елями и светящимися глазами между стволами. Потом кот шагнул в отражение и исчез, будто его там всегда и ждали.

Мила моргнула.

— Я запишу это как доставку через зеркало?

— Запиши как «особый способ вручения». И позвони Диме из охраны, пусть проверит периметр.

— Магический или обычный?

— Оба. Если у нас сегодня ещё кто-нибудь вылезет из стекла, я начну брать плату за аренду портала.

Мила кивнула и бросилась к телефону. Мира вернулась в кабинет, держа папку двумя пальцами, словно та могла уку- сить. Федот уже сидел на стопке процессуальных кодексов и рассказывал Вите, что тот всегда был слаб в быту и морали. Витя слушал с таким лицом, будто мысленно делил домово- го на части, пригодные к взысканию.

— Заседание переносится, — объявила Мира. — Мила подготовит соглашение о добровольном переходе Федота к Ларисе и компенсации за сохранность очага.

— А если я не подпишу? — Витя вскочил.

Мира посмотрела на него поверх папки.

— Тогда Федот подаст встречное заявление о многолет- нем нарушении условий проживания, использовании нецен- зурной лексики при домашней магии и попытке незаконного отчуждения разумного хранителя. Учитывая его свидетель- ские показания и состояние ваших носков, перспектива у де- ла занимательная.

Федот довольно сложил руки на животе.

— Я ещё про тещу расскажу.

Витя побледнел.

— Мы подпишем.

— Разумное решение.

Когда клиенты наконец ушли, Федот задержался у двери,

снял невидимую пылинку с жилетки и поклонился Мире с неожиданной старомодной торжественностью.

— Спасибо, родная. Не дала в утиль списать.

— Только попробуй поселиться у Ларисы и воровать у неё серьги.

— Я ворую только носки. Серьги — это вульгарно.

Он подмигнул и исчез в щели между дверью и косяком, оставив после себя запах печёных блинов и нагретой батареи.

Мира закрыла дверь, вернулась к столу и положила перед собой загадочную папку. Рабочий день ещё не закончился, но интуиция, выработанная годами общения с нечистью, родственниками и налоговой, уже настойчиво советовала налить кофе покрепче.

Она нажала кнопку селектора.

— Мила, у нас есть что-нибудь сладкое?

— Есть пряники от вашей бабушки.

— Они обычные?

Пауза длилась слишком долго.

— Вчера один пряник посоветовал мне бросить Вадима.

— Значит, обычные бабушкины. Неси.

Пока Мила гремела чашками в маленькой кухне, Мира сняла заклятье с папки. Тонкая чёрная нить дрогнула под её пальцами, попыталась свернуться колечком и уколоть кожу. Мира не стала бороться силой. Она наклонилась ближе и тихо произнесла:

— Открыть по праву представителя.

Слова легли на воздух ровно, жёстко, почти без магического блеска. В этом и была особенность дара Сказовых: они не метали молнии, не выращивали из паркета дубы и не превращали врагов в жаб, хотя бабушка Марфа утверждала, что последнее незаслуженно забыто. Их сила жила в слове, в договоре, в границе между правдой и ложью. Сказовы умели слышать, где фраза пустая, где клятва гнилая, где обещание связано кровью, а где человек просто красиво врёт.

Нить на папке нехотя распалась.

Внутри лежали документы: заявление, выписки, копии свидетельств, заключение магического нотариуса, акт установления факта смерти и опись имущества. Мира начала читать с привычной скоростью, цепляясь взглядом за даты, формулировки, подписи и печати. Сначала её лицо оставалось спокойным. Потом брови медленно поднялись.

Мила внесла кофе и блюдо с пряниками.

— Что там?

— Заявление о признании гражданина умершим.

— Обычное дело?

— Не совсем.

— Не совсем обычное или совсем не обычное?

Мира перевернула страницу.

— В зависимости от того, как ты относишься к людям, которые официально не умирали последние несколько тысяч лет.

Мила поставила чашку на стол и осторожно заглянула в документ.

— Ой.

— Вот именно.

В строке «лицо, в отношении которого устанавливается факт смерти» аккуратным канцелярским шрифтом было напечатано: «Кощей Бессмертный, также известный как Кощей Черноборов, Кощей Старший, Кассиан Костяной, К. Б. Чернов, сведения о рождении отсутствуют».

— Это шутка? — спросила Мила.

— Слишком дорогая бумага для шутки.

— Может, кто-то другой? Ну, фамилия такая.

— С отчеством Бессмертный?

— Да, слабая версия.

Мира пролистала дальше. Документы были оформлены почти безупречно. Подпись нотариуса — настоящая. Печать — настоящая. Заключение магической экспертизы — на первый взгляд чистое. Свидетельские показания утверждали, что Кощей не появлялся по месту основной регистрации более ста лет, не подтверждал права на ряд артефактов, уклонялся от участия в ежегодной переписи древних существ и «утратил признаки активного присутствия в материальном мире».

— Утратил признаки, — пробормотала Мира. — Как красиво они назвали желание украсть чужое имущество.

— Его правда можно признать умершим? Он же бес-

смертный.

— Бессмертие не отменяет бюрократию. Иногда бюрократия опаснее смерти.

Мила присела на край кресла.

— А кто подал заявление?

Мира нашла нужную строку, и воздух вокруг бумаги внезапно стал холоднее. Не метафорически. На краю чашки выступил тонкий ледяной ободок.

— Представитель круга наследников по древнему праву.

— У Кощея есть наследники?

— У всех есть наследники, если имущество достаточно большое.

Она читала дальше и всё яснее понимала, что дело пахнет не просто мошенничеством. Здесь не было грубых ошибок, по которым легко поймать неопытного афериста. Наоборот, бумаги были составлены человеком, прекрасно знакомым с магическим правом, старым договорным языком и слабостями архивных записей. Кто-то не просто хотел объявить Кощея мёртвым. Кто-то заранее знал, как это сделать так, чтобы суд принял заявление к рассмотрению.

Телефон на столе завибрировал. На экране высветилось: «Бабушка Марфа». Мира посмотрела на имя и подавила желание сделать вид, что не заметила звонок. Бабушка такие вещи чувствовала. Однажды Мира сбросила её вызов во время совещания, и через пять минут в переговорной появился пирог с запиской: «Не хочешь говорить с бабушкой — гово-

ри с изюмом». Изюм потом молчаливо осуждал её весь день.

— Да, бабуль?

— Ты папку открыла? — спросила Марфа Сказова без приветствия.

Мира медленно откинулась на спинку кресла.

— Даже не стану спрашивать, откуда ты знаешь.

— И правильно. Умная девочка бережёт нервы старших родственников.

Голос у бабушки был мягкий, тёплый, с той ласковой хрипотцой, от которой люди обычно вспоминали деревню, печку и варенье. Магические существа при этом вспоминали завещание.

— Это ты прислала кота?

— Кота? Нет. Я бы прислала голубя. Дешевле и хамит меньше.

— Значит, кто-то хотел, чтобы дело попало ко мне.

— Конечно хотел. Иначе оно попало бы к другому юристу, а другой юрист сначала бы умер, потом бы разобрался.

Мила беззвучно перекрестилась пряником.

— Бабуль, ты знаешь, кто подал заявление?

На том конце стало тихо. Очень тихо. Даже город за окном будто приглушил шум.

— Имя в бумагах может быть ложным, — сказала Марфа уже без смешка. — А вот сама попытка настоящая. Не трогай это дело одна.

— Я пока только читаю.

— Ты читаешь так, что иногда люди признаются в убийствах через запятую. Не умничай. Позвони Ивану из службы Междумирья.

— Если я позвоню Ивану, он пришлёт группу захвата, три постановления и двенадцать вопросов, почему я снова влезла не туда.

— Зато живой останешься.

— Очень вдохновляющий аргумент.

— Мира.

Она терпеть не могла, когда бабушка произносила её имя так. Коротко, спокойно, без нажима. После такого обычно выяснялось, что ситуация хуже, чем кажется, а тот, кто кажется главным злодеем, ещё даже не вошёл в комнату.

— Что ты знаешь? — спросила Мира.

— Кощей не умер. Но кто-то проверяет, можно ли сначала убить его на бумаге, а потом добраться до того, что спрятано глубже. Это не игра за деньги.

— За иглу?

Марфа выдохнула.

— Не произноси лишнего вслух.

Мира машинально посмотрела на стены кабинета. На первый взгляд — старые книжные шкафы, дипломы, фотографии семьи, настольная лампа с зелёным абажуром. Но в углу, возле окна, на секунду дрогнула тень, будто кто-то провёл по ней пальцем.

— У меня защита стоит.

— У тебя защита стоит от обычных дураков. А это могут быть дураки с образованием.

— Самые опасные, — согласилась Мира.

— Приезжай домой после работы. И не спорь.

— Я никогда не спорю.

В трубке послышалось выразительное молчание.

— Ладно, спорю. Но красиво.

— Приезжай, — повторила Марфа и отключилась.

Мира положила телефон на стол. Мила смотрела на неё широко раскрытыми глазами.

— Всё плохо?

— Пока интересно.

— У вас в семье это одно и то же.

— Не совсем. Плохо — это когда бабушка приезжает сама.

Мила поднялась.

— Я отменю ваши вечерние встречи?

— Нет. Вечерние встречи отменяют себя, когда узнают, что я их перенесла.

— А дело Кощея?

Мира закрыла папку, но рука задержалась на обложке. От бумаги тянуло холодом и чем-то металлическим, будто за строками прятался тонкий лезвийный смех.

— Дело Кощея я беру.

— Вы уверены?

— Нет. Но если кто-то подкинул мне папку через сине-

глазого кота, значит, он уверен за меня. А я не люблю, когда за меня принимают решения.

Мила усмехнулась.

— Передать охране, чтобы никого странного не пускали?

— Мила, у нас половина клиентов странные.

— Тогда кого не пускать?

— Тех, кто не отражается в камере, пахнет болотом или говорит, что пришёл по вопросу смерти Кощея.

— А если он сам?

Мира хотела ответить, что сам Кощей Бессмертный вряд ли станет ходить по офисам без записи, но в этот момент защитная руна над дверью вспыхнула серебром. Не тревожно-красным, как при нападении. Не зелёным, как при проверенных клиентах. Серебром — цветом древнего права, старых клятв и тех, кто считал современные пропускные системы милой детской игрушкой.

Из приёмной донёсся голос охранника Димы:

— Простите, вы к кому?

Ответа Мира не расслышала, но почувствовала, как магия в стенах офиса подтянулась, будто невидимый зверь поднял голову. Воздух стал плотнее, темнее, холоднее. На окне проступил узор инея, хотя на улице была сырая московская осень, а батареи работали с таким энтузиазмом, что Федот наверняка одобрил бы.

Мила медленно повернулась к двери.

— Я никого не записывала.

— Значит, он записался сам.

Шаги в коридоре были неторопливыми. Не тяжёлыми, не громкими, но почему-то именно от них хотелось выпрямиться. Дима что-то попытался сказать, потом замолчал так резко, словно ему вежливо предложили вспомнить о смертности.

Дверь кабинета открылась без стука.

На пороге стоял мужчина в чёрном пальто, слишком безупречном для московской слякоти. Высокий, худощавый, с тёмными волосами, убранными назад, и лицом, в котором было что-то пугающе спокойное. Не красота в привычном смысле — скорее опасная выверенность линий, холодная собранность, взгляд, от которого люди начинали говорить правду даже без судебной повестки. Он выглядел лет на тридцать семь, но пространство вокруг него не верило этой цифре.

Мила сделала маленький шаг назад. Мира осталась сидеть, хотя внутри всё привычно собралось нервы в тугий узел.

Мужчина посмотрел сначала на Милу, потом на раскрытую папку на столе, потом на Миру. Его глаза были тёмными, почти чёрными, с едва заметным стальным блеском. В них не было ни суеты, ни раздражения. Только холодная оценка и что-то ещё, глубже, старше, опаснее.

— Маргарита Павловна Сказова? — спросил он.

Голос у него был низкий, ровный, без лишнего нажима. От таких голосов не повышают тон. От таких голосов под-

писывают договоры и потом внимательно читают мелкий шрифт.

Мира медленно положила ладонь на папку.

— Мира. Маргарита Павловна — это когда я в суде и очень злая.

В уголке его губ на мгновение появилось что-то похожее на улыбку, но слишком короткое, чтобы считать это проявлением человеческого тепла.

— Прекрасно. Тогда постарайтесь не злиться раньше времени.

— Сложно обещать, когда ко мне входят без стука.

— Ваш охранник пытался меня остановить.

— И?

— Я не стал усугублять его рабочий день.

Мила тихо кашлянула.

— Чай, кофе, святую воду?

Мужчина повернул к ней голову.

— Кофе. Без сахара.

— Святую воду тоже без сахара подают, — не удержалась

Мира.

Теперь улыбка стала чуть заметнее.

— Предусмотрительно.

Мила посмотрела на Миру, получила едва заметный кивок и быстро вышла, явно решив, что кофе — лучший повод не находиться между адвокатом и человеком, от которого у офисного фикуса начали чернеть кончики листьев.

Мужчина прошёл к столу. Он двигался спокойно, без демонстрации силы, но кабинет будто стал меньше. Старые книги в шкафу притихли. Защитные руны под обоями перестали мерцать и легли ровным серебряным контуром, признавая гостя не врагом, но и не своим.

— Вы уже ознакомились с документами, — сказал он.

— Частично.

— И какое у вас первое впечатление?

— Кто-то очень грамотный пытается похоронить очень неудобного человека.

— Человека?

— В моём кабинете все клиенты люди, пока не докажут обратное.

— Разумная позиция.

— Удобная для выставления счёта.

Он остановился напротив стола. Мира заметила на его руке перстень: чёрный камень в тонкой оправе, внутри которого на мгновение шевельнулся золотой огонёк. Не украшение. Печать. Старая, родовая или личная, но очень сильная. Такими не хвастаются. Такими закрывают двери, которые лучше не открывать.

— Вы понимаете, кто я? — спросил он.

— Потенциально умерший гражданин с проблемами в документах.

Тишина после её слов получилась удивительно приятной. Такая тишина обычно наступала в суде, когда оппонент по-

нимал, что его красивую речь сейчас будут разбирать по косточкам.

Мужчина смотрел на неё несколько секунд, и Мира почти физически чувствовала, как он примеряет к ней привычные реакции: страх, почтение, нервный смешок, желание уступить. Ничего из этого она ему не дала. Она выросла в семье, где бабушка могла превратить грубияна в табурет, дед на спор поднимал холодильник одной рукой, а младший брат однажды случайно открыл портал в ванной. Кощей Бессмертный, конечно, был легендой. Но легенды тоже должны записываться на приём.

— Меня пытаются похоронить, — наконец сказал он. — И, как видите, несколько преждевременно.

— Сочувствую. Обычно мои клиенты жалуются, что их недостаточно ценят при жизни, но ваш случай оригинальнее.

— Я не пришёл за сочувствием.

— Хорошо, потому что оно сегодня по записи закончилось.

Он снял перчатки — тонкие, чёрные, кожаные — и положил их на край стола. Жест был простой, но отчего-то показался Мире старомодным, почти дуэльным. Как будто человек не просто пришёл обсуждать документы, а обозначил, что разговор будет честным ровно настолько, насколько честность вообще возможна между юристом и бессмертным.

— Я хочу знать, кто стоит за этим заявлением, — произнёс он. — И почему документы попали к вам раньше, чем

ко мне.

— Странно. Я думала, вы пришли с ответами.

— Если бы у меня были ответы, госпожа Сказова, я бы не тратил вечер на визит к адвокату.

— Логично. Обычно бессмертные тратят вечера на мрачные башни, заговоры и плохую репутацию.

— Плохая репутация экономит время.

— Сомнительный, но рабочий подход.

Дверь приоткрылась, и Мила внесла кофе. Поставила чашку перед гостем так осторожно, будто это была мина, потом исчезла с профессиональной скоростью человека, которому очень нужно проверить почту где-нибудь за тремя стенами.

Кощей взял чашку, не поблагодарив, но и не заставив фарфор покрыться инеем, что Мира сочла приемлемым уровнем воспитания. Он сделал глоток и поставил кофе обратно.

— Ваш помощник боится.

— Мила разумная девушка.

— А вы?

— А я работаю с документами. У нас профессиональная деформация: сначала читаем, потом пугаемся.

Он посмотрел на папку.

— Что вы уже нашли?

Мира открыла документы и развернула их к себе.

— Заявление составлено по старому смешанному праву. Человеческие нормы здесь только фасад. Основной удар

идёт через магическое наследование и утрату активного присутствия. Свидетели, если они существуют, либо подкуплены, либо связаны клятвой. Экспертиза чистая на верхнем слое, но слишком чистая. Так не бывает.

— Бывает, если эксперт мёртв.

— Он мёртв?

— С прошлого вторника.

Мира подняла взгляд.

— В документах стоит дата позавчера.

— Именно.

В кабинете стало совсем тихо. За окном проехала машина, свет фар скользнул по потолку и на секунду превратил серебряные руны на стенах в тонкие лезвия.

— Это уже не мошенничество, — сказала Мира.

— Нет.

— Кто знал, что эксперт умер?

— Узкий круг.

— Вы входили в этот круг?

— Я приказал проверить его смерть.

— Приказали?

— Мне привычнее этот глагол.

— В суде лучше заменить на «поручил».

Он чуть склонил голову.

— Вы уже говорите так, будто собираетесь представлять мои интересы.

— Я пока говорю так, будто не люблю плохо оформленные

покушения.

— Это было не покушение.

— Пока нет. Сначала вас убивают юридически. Потом ослабляют защиту, открывают доступ к имуществу, артефактам и старым хранилищам. После этого ищут то, что действительно важно. Я права?

Кощей молчал. Но тишина изменилась. Она стала не пустой, а настороженной.

Мира закрыла папку.

— Значит, права.

— Ваша бабушка много рассказывала вам обо мне?

— Бабушка много рассказывала мне о необходимости мыть руки после общения с древними сущностями.

— Мудрая женщина.

— Она так и считает.

Он медленно обошёл кресло для посетителей, но садиться не стал.

— Марфа Сказова была хранительницей границы. Ваш род связан с договорами, которые старше большинства нынешних государств. Поэтому документы оказались у вас не случайно.

— Я это уже поняла.

— Тогда вы должны понимать и другое. Если вы возьмёте дело, вас попытаются использовать.

— Меня часто пытаются.

— Или убить.

— Реже, но тоже случалось.

Его взгляд наконец перестал быть отстранённым. В нём мелькнул интерес — холодный, внимательный, почти хищный. Мире это не понравилось. Ей вообще не нравилось, когда её оценивали как редкий артефакт или удобный инструмент. Но ещё меньше ей нравилось, что под этим взглядом не хотелось отступать. Хотелось поднять подбородок и доказать, что она не из тех, кого пугают легендами на ночь.

— Вы слишком спокойны для человека, которому угрожают, — сказал Кощей.

— А вы слишком живы для покойника.

— Принимается.

— Отлично. Тогда обсудим условия.

Он всё-таки сел. Чёрное пальто легло по подлокотникам кресла так аккуратно, будто ткань сама знала своё место. Мира достала чистый лист.

— Мне нужен полный доступ к документам, архивам, свидетелям и вашим представителям. Никаких исчезнувших папок, старых тайн по расписанию и фраз «вам лучше этого не знать». Если вы хотите, чтобы я выиграла дело, вы не мешаете мне работать.

— Вы привыкли отдавать распоряжения клиентам?

— Только тем, кто хочет остаться живым. В вашем случае формулировка особенно удачная.

— А если часть информации опасна?

— Значит, вы сообщаете, почему она опасна, а не изобра-

жаете мрачную статую с банковским счётом.

Кощей медленно провёл пальцем по краю чашки. Кофе внутри на мгновение потемнел, будто в него упала тень.

— Вы дерзки.

— Вы наблюдательны.

— Это может стоить вам жизни.

— Невежливость клиента тоже может стоить ему адвоката.

На этот раз он улыбнулся по-настоящему. Едва заметно, но достаточно, чтобы холодное лицо стало опасно привлекательным. Мира мысленно поставила этому обстоятельству жирный минус. С красивыми клиентами работать было неудобно, с опасными — сложно, с красивыми и опасными — раздражающе непрактично.

— Какие ещё условия? — спросил он.

— Предоплата.

— Сумма?

Мира назвала сумму, увеличив обычный гонорар втрое. Не потому, что жадничала. Потому что за риск надо платить, а бессмертные, по слухам, любили проверять чужие границы.

Кощей даже не моргнул.

— Удвойте.

— Зачем?

— Чтобы вы не решили, что я торгуюсь.

— У меня принцип: если клиент сам увеличивает гонорар,

рар, я проверяю, кого он уже закопал.

— Сегодня никого.

— Уточнение тревожное.

— Но честное.

Она записала сумму, хотя уже понимала, что деньги в этом деле будут наименее важной частью. Гораздо важнее окажутся документы, клятвы, старые связи семьи и тот факт, что где-то за пределами её кабинета кто-то очень грамотный начал переписывать реальность через бумагу.

Телефон на столе снова завибрировал. На этот раз сообщение пришло от Милы: «Дима говорит, что камеры в коридоре показывают пустоту. Но он клянётся, что ваш гость есть. Фигус умер. Это оплачивается отдельно?»

Мира выключила экран.

— Ваше присутствие плохо влияет на растения.

— Только на слабые.

— Моему фикусу было семь лет.

— Тем более.

Она хотела ответить, но в этот момент папка на столе раскрылась сама. Страницы зашелестели, одна из них поднялась в воздух, будто её подцепили невидимые пальцы, и повисла между Мирой и Кошеем. Чернила на бумаге потекли. Строки заявления смазались, складываясь в новые слова.

«Факт смерти установлен».

Мира резко поднялась. Кошей тоже встал, но без суеты. Его рука легла на перстень. Воздух в кабинете стал почти

ледяным.

На листе появилась следующая строка.

«Наследование открыто».

— Это не было в документах, — сказала Мира.

— Нет.

Бумага треснула по центру. Из разрыва вытянулась тонкая чёрная нить, похожая на волос, смоченный чернилами. Она потянулась к Кощею, но на полпути изменила направление и метнулась к Мире.

Мира успела сказать только одно слово:

— Стой.

Сила дара ударила в нить, как печать по горячему воску. Чёрный волос застыл в нескольких сантиметрах от её лица, дрожа от ярости. Внутри него что-то шептало — сухо, быстро, чужими голосами. Обещания, угрозы, старые формулы, обрывки имён.

Кощей шагнул ближе и двумя пальцами перехватил нить. На его коже вспыхнули тёмные знаки. Комната на секунду провалилась в сумрак, а потом нить рассыпалась пеплом.

Пепел упал на стол и сложился в маленький знак: перо, перечёркнутое иглой.

Мира смотрела на него, чувствуя, как сердце бьётся быстро, зло, живо. Страх где-то был, конечно. Но поверх страха поднималось другое чувство — профессиональная ярость. В её кабинете, на её столе, через её документы кто-то попытался протянуть проклятие. Это было не просто опасно. Это

было невежливо.

— Теперь, — произнесла она, — я точно беру это дело.

Кощей повернулся к ней. Они стояли слишком близко. От него пахло холодом, дорогой кожей и чем-то древним, как зимняя земля под корнями. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах, потом вернулся к глазам. Очень быстро, почти незаметно. Но Мира заметила.

— Вы могли погибнуть, — сказал он.

— А вы могли постучать, но мы оба сегодня пережили разочарование.

Он смотрел на неё так, будто пытался решить, раздражает она его или забавляет. Возможно, и то и другое. Мира, в свою очередь, пыталась не думать, что рядом с ним воздух казался натянутым, как струна, и каждое слово звучало чуть острее.

— Госпожа Сказова, — сказал Кощей медленно, — вы понимаете, во что вмешиваетесь?

— Пока нет. Но уже начинаю получать удовольствие.

— Это опасная привычка.

— У меня их много.

Из приёмной осторожно постучали. После всего, что случилось, этот нормальный человеческий звук показался почти трогательным.

— Мира Павловна? — позвала Мила. — Там ваша бабушка на линии. Говорит, если вы уже согласились, пусть Кощей не строит из себя трагедию и везёт вас домой ужинать. Дословно передать?

Кощей замер.

Мира медленно закрыла глаза на секунду, потом открыла и улыбнулась.

— Передай бабушке, что я работаю.

— Она сказала, вы так ответите. И сказала, что работа работой, а пирог стынет.

Впервые за весь вечер выражение лица Кощей стало почти человеческим. Не мягким, нет. Скорее осторожно недовольным.

— Марфа всё ещё печёт пироги?

— А вы всё ещё делаете вид, что вас это не пугает?

Он взял перчатки со стола.

— Меня мало что пугает.

— Значит, вы давно не ужинали у Сказовых.

Мира закрыла папку, прижала сверху ладонь и почувствовала, как внутри документов ворочается чужая магия, злая и нетерпеливая. Дело было принято. Клиент был жив. Покойник пришёл лично. А где-то за этой нелепой, опасной и совершенно не запланированной встречей уже начиналась история, которая явно не собиралась спрашивать разрешения.

Она подняла взгляд на Кощей.

— Итак, Бессмертный. У вас есть машина, портал или гроб с доставкой?

Он надел перчатки.

— Машина.

— Жаль. Третий вариант был бы атмосфернее.

— Я учту на будущее.

— Не надо. У нас и так вечер насыщенный.

Кощей открыл дверь и пропустил её вперёд. Жест вышел старомодным и безупречно вежливым, но Мира не обольщалась. Волк тоже может придержать калитку, если ему интересно, куда побежит добыча.

Только добычей она быть не собиралась.

В приёмной Мила стояла рядом с мёртвым фикусом и держала в руках пряник. На прянике кривыми изюминками проступила надпись: «Я же говорила».

Мира вздохнула.

— Бабушка становится невыносимой.

Кощей бросил на пряник короткий взгляд.

— Насколько я помню, она всегда такой была.

— Отлично, — сказала Мира. — Значит, за ужином вам будет о чём поговорить.

И пока они выходили из офиса, серебряные руны на двери вспыхнули снова, а в отражении стеклянной перегородки на мгновение появился тот самый чёрный кот с синими глазами. Он сидел по ту сторону зеркала, наблюдал за ними и улыбался так широко, как не должен улыбаться ни один приличный кот.

Потом отражение дрогнуло, и на стекле осталась только тонкая надпись, выведенная невидимым когтем:

«Сказка началась».

Глава 2. Наследство бессмертного

Машина у Кощея оказалась не гробом, не каретой из человеческих костей и даже не чем-нибудь демонстративно старинным, чего Мира подсознательно ожидала после всех семейных рассказов о древних бессмертных. У подъезда бизнес-центра их ждала чёрная машина представительского класса с затемнёнными стёклами, бесшумным двигателем и таким видом, будто она сама выбирала, кого считать достойным пассажиром.

У машины стоял водитель в тёмном пальто. Высокий, сухощавый, с седыми волосами, зачёсанными назад, он открыл заднюю дверь прежде, чем Кощей успел поднять руку. На Мире его взгляд задержался ровно на секунду, но этой секунды хватило, чтобы она почувствовала себя не клиенткой, не адвокатом и даже не человеком, а пунктом в длинной внутренней ведомости: «Сказова, старшая, опасна, язвительна, может испортить вечер».

— Госпожа Сказова, — произнёс водитель, слегка склонив голову.

— Мы знакомы? — спросила Мира.

— Нет.

— А звучит так, будто вы уже успели составить обо мне не самое приятное мнение.

— Я работаю у Константина Вадимовича достаточно дол-

го, чтобы заранее сочувствовать людям, которых он считает полезными.

Кощей остановился рядом с машиной и посмотрел на водителя без видимого раздражения, но воздух вокруг него стал холоднее.

— Северин, вы сегодня слишком разговорчивы.

— Старость, Константин Вадимович. Удержаться всё труднее.

Мира подняла бровь.

— Константин Вадимович?

— В современном мире, госпожа Сказова, даже бессмертным приходится указывать отчество в документах.

— А я уже начала переживать, что в паспорте у вас стоит «Кощей Кощеевич».

Северин кашлянул в кулак, подозрительно похожий на попытку скрыть смехок. Кощей сел в машину первым, но сделал это с таким выражением лица, будто весь мир был обязан извиниться за наличие паспортов, отчества и Миры Сказовой в одном вечере.

Мира устроилась рядом, поставила сумку на колени и сразу почувствовала, как кожаное сиденье под ней едва заметно шевельнулось. Не физически, конечно. Магически. Машина узнавала её, проверяла, запоминала. У вещей Кощея, похоже, были не только страховки, но и характер.

— Ваш автомобиль меня сканирует? — спросила она.

— Оценивает угрозу.

— И что решил?

Кощей повернул к ней голову. В свете уличных фонарей его лицо казалось выточенным из тени и холодного золота, а глаза не отражали свет, а будто собирали его внутрь.

— Пока сомневается.

— Умная машина.

— Не льстите ей. Она и без того высокомерна.

Машина тронулась так плавно, будто дорога сама подвинулась под колёса. За окнами проплыла вечерняя Москва: стеклянные башни, усталые окна офисов, длинные ленты фар, люди у переходов, курьеры с коробками, девушки в светлых пальто, пожилой мужчина с пакетом из супермаркета. Обычный город жил своей обычной жизнью и, конечно, не подозревал, что в одной из машин едет Кощей Бессмертный, официально почти покойный, и адвокат, которая по ошибке или по семейной традиции уже успела взять его дело.

Мира достала из сумки папку. Печать на обложке после нападения в офисе больше не светилась, но от неё тянуло неприятным металлическим запахом, словно рядом раздавили старую монету. Она положила ладонь сверху и прислушалась. Магия в документах была живой, но не самостоятельной. Её кто-то пустил по листам, как яд по венам.

— Вы говорили, что не получали уведомления до сегодняшнего дня, — сказала она, открывая первую страницу.

— Я сказал, что уведомление пришло сегодня.

— Это не одно и то же.

— Для большинства людей — одно.

— Я не большинство людей. Я ваш адвокат. Привыкайте к неприятному.

Он посмотрел на неё почти с интересом.

— Вы быстро входите в роль.

— У меня клиент пришёл с попыткой юридического убийства, а потом мой офис едва не превратился в кладбище для мебели. Приходится ускоряться.

Она перелистнула копии: заявление, выписка из реестра древних лиц, заключение архивной комиссии, нотариальное удостоверение, магическая экспертиза подписи, протокол опроса свидетеля. На первый взгляд всё выглядело безупречно, даже слишком. Документы были оформлены так аккуратно, как оформляют не правду, а ловушку.

— Здесь указано, что заявление подал некий Фаддей Никитич Обручев, — сказала Мира. — Вы его знаете?

— Да.

— Родственник?

— Хуже.

— Бывший друг?

— Ещё хуже.

— Кредитор?

— Дальний потомок человека, который однажды проиграл мне в карты мельницу, невесту и право на семейный герб.

Мира подняла глаза от бумаги.

— Вы приняли в выигрыш невесту?

— Мне было девятьсот лет, и я уже тогда понимал, что некоторые ставки лучше сразу вернуть. Девушку я отправил домой с приданым, мельницу продал, герб оставил себе в назидательных целях. Обручевы с тех пор считают меня источником своих исторических бед.

— То есть у них есть мотив.

— У половины магического мира есть мотив.

— Прекрасно. Начнём с половины, потом перейдём ко второй.

Кощей чуть заметно усмехнулся, но улыбка исчезла прежде, чем стала настоящей.

— Обручев слаб. Жаден, мелок, любит громкие слова и чужие деньги, но сам такую схему не выстроил бы.

— Значит, его могли использовать как заявителя.

— Очевидно.

— Для вас, может, очевидно. Для суда очевидным будет то, что лежит в деле. А в деле лежит красивый набор документов, по которому вы выглядите не очень живым.

— Я нахожусь рядом с вами.

— В магических делах личное присутствие покойника иногда только усложняет процесс.

Северин снова кашлянул. Кощей бросил взгляд на зеркало заднего вида, но водитель смотрел на дорогу с безукоризненной невинностью.

Мира продолжила читать. В графе «основания для признания факта смерти» было перечислено исчезновение субъекта из публичного магического оборота, отсутствие подтверждённых сделок, прекращение личного участия в советах и невозможность установить местонахождение смертной печати.

Последний пункт она перечитала дважды.

— Смертная печать? — спросила она.

Кощей не ответил сразу. Москва за окном сменилась старой улицей, где фонари светили теплее, а дома стояли ниже и темнее, словно не совсем принадлежали настоящему времени.

— Юридический термин, — наконец сказал он.

— Я юрист. Не надо обижать профессию.

— Термин из старого права.

— А я адвокат по старому праву. Не надо обижать меня.

Он отвернулся к окну, и впервые за вечер Мира увидела не раздражение, не иронию и не холодную вежливость, а закрытую дверь. Настоящую, древнюю, тяжёлую. Такую не выбивают плечом. К такой подбирают ключ или ждут, пока хозяин сам решит открыть.

— Смертная печать, — сказал Кощей ровно, — это след, который оставляет на мире смерть бессмертного существа. Если печать не обнаружена, смерть считается недоказанной. Если обнаружена — открывается наследственный доступ.

— Наследственный доступ к чему?

— К имуществу, артефактам, долгам, правам, клятвам и некоторым личным хранилищам.

— Некоторым?

— Госпожа Сказова, даже у покойников бывают личные границы.

— Вы пока не покойник. Не злоупотребляйте преимуществом.

Он снова повернулся к ней, и напряжение отступило ровно настолько, чтобы разговор мог продолжаться.

— Если суд признает меня мёртвым, часть моих защит ослабнет. Не все. Не сразу. Но достаточно, чтобы открыть то, что должно оставаться закрытым.

— Хранилища?

— В том числе.

— И там лежит то, за чем охотятся?

— Возможно.

Мира захлопнула папку.

— Мне не подходит «возможно».

— А мне не подходит раскрывать вам всю карту своих слабых мест через двадцать минут после знакомства.

— Через сорок пять. И за эти сорок пять минут вы уже втянули меня в нападение, семейный ужин и дело, которое может закончиться магическим переделом собственности. Минимальная честность будет хорошим вкладом в наши рабочие отношения.

— Наши рабочие отношения ещё не утверждены догово-

ром.

— Я взяла дело.

— Вы сказали это в состоянии стресса.

— Я в состоянии стресса спорю быстрее и думаю лучше.

— Тогда мне стоит чаще подвергать вас опасности.

— Попробуйте, и я внесу в договор пункт о штрафах за каждую попытку.

Северин остановил машину у высокого кованого забора. За ним стоял дом Сказовых — старый, тёмный, с широким крыльцом, окнами разного размера и крышей, которая при дневном свете выглядела почти нормальной, а ночью напоминала нахохлившуюся птицу. В одном окне горел свет, в другом шевелилась занавеска, хотя ветра не было. Над воротами висел почтовый ящик, на котором мелом была выведена надпись: «Рекламу не бросать. Проклятия — только по предварительной записи».

Кощей вышел из машины и остановился перед воротами. Дом заметил его мгновенно. Стёкла потемнели, дверной молоток на крыльце приподнял голову, похожую на львиную, а где-то внутри протяжно скрипнула лестница. Не от старости. От возмущения.

— Он вас помнит, — сказала Мира.

— Это взаимно.

— Плохие воспоминания?

— Громкие.

Калитка открылась сама, но не гостеприимно, а так, буд-

то ей велели пустить неприятного родственника. Кощей прошёл следом за Мирой, и каменная дорожка под его ногами покрылась тонким инеем. Дом тут же недовольно стряхнул с водосточной трубы сосульку, хотя на дворе стоял сентябрь.

— Не начинай, — сказала Мира дому.

Ставни на втором этаже хлопнули.

— Я понимаю, что у тебя принципы. У меня тоже. Но мы работаем.

В ответ где-то под крышей ухнуло, а на крыльцо из щели под дверь выкатился клубок серой шерсти. Клубок расправился, явил миру лохматую морду, маленькие рога и выражение крайней занятости. Это был домашний бес по имени Прошка, который официально считался «остаточным бытовым духом», а фактически отвечал за то, чтобы никто в доме не чувствовал себя слишком важным.

— О, — сказал Прошка, оглядев Кощея сверху вниз. — Мертвец пришёл. А мы суп уже посолили.

— Прошка, — предупредила Мира.

— Что? Я по делу. Если гость покойный, ему можно не наливать.

Кощей посмотрел на беса.

— Ты всё ещё здесь?

— А ты всё ещё нет? — Прошка ткнул когтем в папку под мышкой Миры. — По документам, между прочим, уже почти всё. Я проверял.

— Где ты проверял? — нахмурилась Мира.

— В почтовом ящике. Он умнее некоторых.

Дверь распахнулась до того, как Мира успела ответить. На пороге стояла Марфа Сказова — невысокая, прямая, в тёмно-синем платье и вязаной шали. Белые волосы были собраны на затылке, глаза светились так ласково, что любой здравомыслящий человек сразу понимал: лучше не спорить.

— Ну вот, — сказала она, оглядев Кощея. — Живой. А я уже думала, пирог зря поставила.

— Марфа, — произнёс Кощей.

— Не делай такое лицо, Константин. Ты им пугал князей, царей и двух министров, но у меня с тех пор зрение только улучшилось.

Мира посмотрела на бабушку, потом на Кощея.

— Двух министров?

— Трёх, — поправил Кощей.

— Третий сам испугался, — отрезала Марфа. — Не присваивай чужие заслуги. Проходите, пока Дом не решил, что имеет право на собственное мнение.

Дом обиженно скрипнул.

— У него оно всегда есть, — сказала Мира, снимая пальто в прихожей.

Прихожая встретила их запахом пирога, старого дерева, травяного чая и едва уловимой грозы. На стене висели фотографии семьи, несколько обычных пейзажей и один портрет прадеда, который то открывал, то закрывал один глаз, выбирая момент, чтобы вмешаться в разговор. Под потолком пла-

вал светильник, похожий на стеклянную луковицу, внутри которой лениво двигалось золотое пламя.

Кощей вошёл следом. Дом тут же сделал вид, что половица под его ногой совершенно случайно поднялась на два сантиметра. Кощей даже не споткнулся. Он только опустил взгляд.

— Мелочно.

Половица вздохнула и вернулась на место.

Из кухни донеслись голоса. Судя по звону посуды и короткому мужскому «я просто спросил», семья уже собралась и успела начать спор без неё.

— Мира! — крикнул отец. — Ты Кощея привезла?

— Нет, пап, я его по дороге нашла и пожалела.

— Зря, — отозвался дед из столовой. — Кощеев жалеть нельзя. Они потом проценты начисляют.

Кощей снял перчатки, аккуратно сложил их в карман и посмотрел на Миру.

— Я могу подождать в машине.

— Поздно. Вас уже учуяли.

— Кто?

Из-за угла вылетела Варя, младшая сестра Миры, в домашнем свитере, с ложкой в руке и сияющим лицом человека, который не собирается упускать редкое развлечение.

— Все! — объявила она. — Мира привезла Кощея! Живого! Никита, ты проиграл, он не лысый!

— Я не говорил, что он лысый, — слышалось из столо-

вой. — Я говорил, что древние бессмертные должны выглядеть более исторически.

— Он выглядит дорого, — сообщила Варя, без стеснения рассматривая гостя. — Исторически дорого.

— Варвара Павловна, — строго сказала Марфа. — Не смотри на гостя так, будто выбираешь, в какую рамку его повесить.

— Я не выбираю рамку. Я изучаю легенду.

— Легенды кусаются, — сказала Мира.

— Некоторые предпочитают судебные претензии, — добавил Кощей.

Варя восторженно посмотрела на сестру.

— Он разговаривает как налоговая с дипломом по тёмной магии. Мне нравится.

— Не привязывайся, — сказала Мира. — Он временно.

— Все так говорят, — заметила бабушка, разворачиваясь к столовой. — А потом приносят в дом семейные проклятия, брачные договоры и чужие родовые печати.

— Бабушка.

— Что бабушка? Я жизненный опыт озвучиваю.

Столовая Сказовых была большой и тёплой, хотя окна выходили в тёмный сад. За длинным столом сидели почти все: дед Семён, широкоплечий, седой, с лицом бывшего богатыря, которому пенсия не мешала держать в доме тренировочные мечи; отец Павел, архитектор с усталым добрым взглядом и привычкой чинить магические поломки обычной от-

вёрткой; мама Ирина, спокойная, аккуратная, с тем выражением, перед которым сдавались даже колдуны. Никита развалился на стуле у окна, явно вернулся после смены в службе Междумирья и не успел сменить тёмную форму. Алена листала телефон, но взгляд у неё был такой внимательный, что Мира не сомневалась: сестра уже записывает каждое слово для последующего семейного анализа.

На столе стояли пироги, мясо, салаты, чайник, банка варенья и миска с чем-то дымящимся, что шевелилось.

— Это не для гостей, — предупредила мама, заметив взгляд Кошея. — Это для домового. Он сегодня нервничает.

Из-под стола донеслось ворчание Федота:

— Я не нервничаю, я стратегически обеспокоен. В доме покойник по документам, а все едят.

— Федот, — сказала Мира, — ты сегодня уже был совместно нажитым имуществом. Не усложняй себе биографию.

— Вот именно, у меня день тяжёлый.

Кошей сел на предложенное место с безупречной осанкой человека, который мог бы вести переговоры под обстрелом. Мира устроилась рядом, положила папку на соседний стул и сразу поймала взгляд мамы. Ирина смотрела не на Кошея, не на документы, а на дочь.

— Ты в порядке? — спросила она тихо.

В этом вопросе не было паники, только точность. Мама не нуждалась в объяснениях, чтобы понять, где проходит грань

между «обычный рабочий день» и «у дочери в кабинете пытались открыть дыру в старую смерть».

— В порядке, — ответила Мира. — Офис пострадал сильнее.

— Мила звонила. Сказала, фикус погиб окончательно.

— Он давно искал повод.

— Я пришлю ей новый.

— Лучше кактус. Пусть учится защищаться.

Ирина кивнула так серьёзно, будто выбор комнатного растения действительно входил в план обороны.

— Константин Вадимович, — сказала она, поворачиваясь к Кощею. — Чай будете?

— Благодарю.

— С сахаром?

— Нет.

— Конечно нет, — пробормотал Никита. — Сахар же делает людей счастливее.

— Никита, — сказал отец без особой надежды.

— Я молчу.

— Ты ещё не начинал.

Дед Семён положил себе кусок пирога, посмотрел на Кощею прищуренно и сказал:

— Ну что, Бессмертный, кто тебя хоронит?

— Семён, — укоризненно произнесла Марфа.

— А что? Человек пришёл с делом. Не будем же мы сначала обсуждать погоду.

— Погода, кстати, портится, — заметила Алена, не отрываясь от телефона. — В магическом секторе уже пишут, что над Пречистенкой видели чёрного кота в зеркальной витрине.

Мира замерла.

— Когда?

— Полчаса назад. Потом сообщение удалили.

— Покажи.

Алена протянула телефон. На экране была фотография витрины дорогого магазина, где среди манекенов отражался чёрный кот с синими глазами. Слишком знакомый. Он сидел так же, как в стекле офиса, и улыбался невозможной широкой улыбкой.

Кощей взял телефон прежде, чем Мира успела приблизить изображение. Его пальцы не дрогнули, но вокруг чашки с чаем появилась тонкая корочка льда.

— Это не кот Баюн, — сказал он.

— А кто? — спросила Варя.

— Посланник.

— Чей?

Кощей вернул телефон Алене.

— Того, кто хочет, чтобы мы знали: за нами наблюдают.

За столом стало тихо. Даже Федот под столом перестал греметь ложкой.

Марфа поставила чайник на подставку.

— Значит, дело серьёзнее, чем я думала.

— Ты думала, что дело несерьёзное? — спросила Мира.

— Я надеялась, что кто-нибудь просто хочет откусить у Кощея кусок наследства. Это неприятно, но привычно. А если появились зеркальные посланники, значит, кто-то не просто тратит деньги. Кто-то зовёт историю.

— История может подождать, — сказал Никита. — У нас ужин.

— История никогда не ждёт, — отозвался Кощей. — Она только делает вид, что даёт время подготовиться.

— Сказал человек, которого пытаются признать умершим, — заметила Варя. — Звучит убедительно.

Мира открыла папку прямо на столе, отодвинув тарелку с пирогом. Семья тут же подалась ближе. Никита небрежно поднялся, чтобы видеть документы сверху, Алена пересела рядом, дед достал из кармана очки, которыми никогда не пользовался по назначению, а бабушка молча положила на стол маленький медный нож. Не кухонный — ритуальный.

— Что у нас есть, — сказала Мира, переключаясь на рабочий тон. — Первое: заявление о признании Кощея Бессмертного умершим подано Фаддеем Никитичем Обручевым. Второе: документы оформлены почти безупречно, включая экспертное заключение и архивные выписки. Третье: в деле упоминается смертная печать. Четвёртое: после передачи документов меня атаковали через папку, что означает либо попытку запугать, либо проверку реакции.

— Скорее второе, — сказал Никита. — Если хотели бы

убить, били бы иначе.

— Спасибо за оптимизм.

— Я не оптимист. Я практик.

— Пятое, — продолжила Мира, — кто-то использует зеркального посланника, чтобы продемонстрировать контроль. Шестое: если Кощея признают мёртвым, открывается наследственный доступ к его имуществу и хранилищам.

— Седьмое, — добавила Алена, листая копии. — Заключение подписал архивариус Левонтий Грач.

Кощей резко посмотрел на неё.

— Что?

Алена повернула документ.

— Вот подпись. Левонтий Аркадьевич Грач, старший нотариус-архивариус при Палате переходных прав.

Мира нахмурилась. В офисе она не успела внимательно сверить фамилию подписанта, а теперь имя будто зацепилось за воздух. Оно звучало серо, сухо и неприятно знакомо, как шорох бумаги в пустой комнате.

— Вы его знаете? — спросила она Кощея.

— Знаю.

— Судя по лицу, не любите.

— Я редко подписываю эмоциональные соглашения с нотариусами.

— Но?

Кощей взял лист и провёл пальцем по подписи, не касаясь бумаги. Чернила на мгновение потемнели.

— Грач не мог подписать это заключение.

— Почему?

— Потому что он умер шесть лет назад.

Федот под столом тихо присвистнул.

— Вечер становится тематическим.

Мира медленно вытащила лист из пальцев Кощея и положила перед собой.

— Официально умер?

— Да.

— Тело нашли?

— Нет.

— Печать смерти?

— Была.

— Кто подтверждал?

Кощей посмотрел на неё внимательно. На этот раз в его взгляде не было снисхождения. Только оценка. Мира поняла, что задала правильный вопрос.

— Архив Палаты.

— То есть мёртвый нотариус подписал заключение о вашей смерти, а его собственную смерть подтверждал архив, из которого пришла выписка по вашему делу.

— Именно.

— Замечательно, — сказала Мира. — У нас уже не дело, а очередь из покойников.

— Мёртвые хотя бы редко опаздывают, — пробормотала Варя.

— Варя, — одновременно сказали Мира, Марфа и Ирина.
— Всё, молчу. Но шутка была хорошая.

Бабушка Марфа взяла медный нож и осторожно поддела угол архивной выписки. Бумага не порвалась. Вместо этого под верхним слоем проступили тонкие серые нити, похожие на корешки плесени.

— Подкладная память, — сказала она.

— Что это? — спросила Мира.

— Старый способ заставить документ помнить то, чего не было. Очень тонкая работа. На поверхности всё настоящее: печати, дата, форма, оборотные знаки. Но внутрь вплетена чужая память, и любой слабый проверочный камень скажет: да, так и было.

— Слабый проверочный камень? — переспросил Кошей.

Марфа посмотрела на него поверх очков, которых у неё не было.

— Не начинай. Я не говорю, что твоя Палата нанимает слабых экспертов. Я говорю, что иногда умные люди становятся тупыми, когда перед ними кладут бумагу с правильной печатью.

— Это уже похоже на правду, — сказала Ирина.

Отец Павел осторожно поднял руку.

— Я понимаю, что сейчас будет семейный совет и древние угрозы, но можно уточнить одну практическую деталь? Если Константина Вадимовича признают умершим, кто именно получает наследство?

— Хороший вопрос, — сказала Мира.

Кощей молчал.

— Очень хороший, — добавила она уже жёстче.

— Наследников по крови у меня нет, — ответил он наконец.

— Это не ответ.

— Есть несколько старых договоров, которые могут быть истолкованы как наследственные.

— Сколько несколько?

— Семнадцать.

Никита хмыкнул.

— Скромно.

— Семнадцать действующих, — уточнил Кощей.

— А недействующих? — спросила Алена.

— Больше.

Мира закрыла глаза на секунду. Когда она их открыла, Кощей всё ещё сидел рядом, живой, красивый, холодный и явно не осознающий, что слово «семнадцать» в устах клиента — это не информация, а попытка довести адвоката до нервного тика.

— Вы принесёте мне все договоры, — сказала она.

— Не все имеют отношение к делу.

— Это решу я.

— Некоторые написаны на языках, которые давно не используются.

— У меня бабушка ругается на трёх из них.

Марфа довольно улыбнулась.

— На четырёх, если сильно вывести.

— Некоторые договоры опасны даже при чтении, — продолжил Кощей.

— Тогда будем читать вслух по очереди, — сказал дед Семён. — Если кого-то начнёт втягивать в ад, остальные удержат за ноги.

— Папа, — сказала Ирина.

— Что? Рабочая методика.

Мира взяла чистый лист из своей сумки, ручку и начала писать. Ей всегда думалось лучше, когда хаос превращался в список. Семья могла шутить, Дом мог скрипеть, Федот мог ворчать под столом, Кощей мог изображать древнюю тайну в человеческом костюме, но дело всё равно оставалось делом. А любое дело можно было разложить на факты, мотивы, риски и действия.

— Подозреваемые, — сказала она. — Первое: Фаддей Обручев как заявитель. Мотив — наследственная обида, возможная финансовая выгода, доступ к имуществу через древние претензии. Второе: неизвестный, использующий имя Грача. Третье: кто-то внутри Палаты переходных прав или архива, потому что без доступа к реестрам такую подделку не провести. Четвёртое: участники ваших старых наследственных договоров. Пятое: тот, кто прислал зеркального кота.

— Шестое, — тихо сказала бабушка. — Тот, кто умеет

писать чужую память на бумаге.

Кощей медленно перевёл на неё взгляд.

— Ты думаешь о Сказочнике.

Комната будто стала меньше. Слово не прозвучало громко, но Дом услышал его. Стены тихо ответили протяжным древесным стоном, а за окном в саду что-то чёрное метнулось между яблонями.

— Я думаю о том, — сказала Марфа, — что некоторые имена лучше не звать к столу до десерта.

— Бабушка, — сказала Мира, чувствуя, как внутри поднимается холодное раздражение. — Я уже в деле. Не надо разговаривать вокруг меня.

Марфа посмотрела на неё не как на внучку, а как на взрослую женщину, которой придётся услышать неприятное.

— Сказочник был тем, кто записывал судьбы. Не выдумывал сказки для детей, а фиксировал ход настоящих историй: кто кому должен, где чья клятва, какой род чем связан, какая смерть куда спрятана, какая любовь стала проклятием, а какая — защитой. Очень давно он исчез. Кто-то говорит, умер. Кто-то говорит, его изгнали. Кто-то считает, что он сам вышел за пределы сказки и теперь ищет дорогу обратно.

— И вы думаете, он связан с документами Кощея?

— Я думаю, что подкладная память — его почерк. Или почерк того, кто нашёл его чернила.

Алена отложила телефон.

— Чернила в прямом смысле?

— В самом прямом. Истории не пишут обычной тушью.

— Конечно, — сказала Варя. — Обычной тушью пишут заявления в деканат, и даже они иногда выглядят как проклятие.

Никита наклонился к Мире.

— Тебе нужна охрана.

— Мне нужен кофе и доступ к реестрам.

— Это не взаимоисключающие вещи.

— Я не собираюсь ходить с конвоем.

— Я не предлагаю конвой.

— Ты предлагаешь себя, что почти хуже.

— Я хотя бы не лезу в папки, которые пытаются тебя убить.

— Ты лезешь в порталы, из которых тебя потом вытаскивают с чужими зубами в куртке.

— Один раз.

— Три.

— Два с половиной.

Кощей наблюдал за ними с выражением человека, который впервые попал в семейную перепалку и не до конца понял, является ли это угрозой, ритуалом или способом проявления любви.

— Вы всегда так обсуждаете опасность? — спросил он.

— Нет, — ответила Ирина. — Иногда громче.

Марфа хлопнула ладонью по столу, и все замолчали.

— Мира ведёт дело. Никита помогает по линии Между-

мирья, но не давит. Алена проверяет слухи и зеркальные следы. Варя не трогает документы, артефакты, печати и подозрительных котов.

— Слишком много запретов для одного предложения, — возмутилась Варя.

— Значит, я ясно выразилась.

— А я? — спросил дед.

— Ты не вызываешь старых товарищей, пока я не скажу.

— Я просто хотел уточнить у Добрыни, не встречал ли он недавно мёртвого нотариуса.

— Добрыня после последнего уточнения неделю прятался в бане.

— Зато информация была точная.

— Семён.

Дед примирительно поднял руки.

— Молчу. Но если начнётся драка, я первый.

— Если начнётся драка, — сказала Мира, — я буду рядом с тем, у кого больше шансов остаться живым.

Все посмотрели на Кощея.

Он сухо произнёс:

— Практично.

— Я юрист, а не героиня баллады.

— Героини баллад обычно плохо заканчивают.

— Именно поэтому яставляю счета.

И снова эта едва заметная тень улыбки, которая появлялась у него не на губах, а где-то в глазах, опасно быстро ис-

чезая. Мира поймала себя на том, что ждёт её, и тут же разлилась. Не хватало ещё начинать отслеживать мимику клиента. Особенно клиента, в чьих хранилищах, вероятно, лежали договоры на половину сказочного мира и собственная смерть где-то между ними.

Телефон Мира завибрировал. На экране высветился номер Милы.

— Да?

— Мира Павловна, — голос секретаря звучал бодро, но слишком натянуто, — я закрыла офис, вызвала мастера по стеклу, мастера по мебели, мастера по фикусу не нашла, потому что, видимо, это уже к некромантам.

— Мила, ближе к делу.

— Пришло письмо. Курьер принёс. На ваше имя. Я сначала не хотела брать, потому что у него были слишком белые перчатки, а вы говорили, что люди в белых перчатках редко приносят хорошее, но он оставил конверт на полу, поклонился и исчез.

Мира напряглась.

— Исчез как?

— Непрофессионально. С хлопком и запахом мокрой бумаги.

— Конверт трогала?

— Нет. Я же не Варя Павловна.

— Отлично. Сфотографируй и пришли.

Через несколько секунд телефон пискнул. На экране по-

явился снимок: серый конверт без марки и обратного адреса. На лицевой стороне старомодным почерком было написано: «Маргарите Павловне Сказовой, поверенной мёртвого человека».

Кощей наклонился ближе. От него пахло холодом, дорогой тканью и чем-то металлическим, как воздух перед грозой.

— Не открывать, — сказал он.

— Это мой офис и мой конверт.

— Это приманка.

— Скорее всего.

— Вы говорите так, будто собираетесь её проглотить.

— Нет, — сказала Мира, уже вставая. — Я собираюсь её обезвредить, вскрыть и прочесть.

— Мира, — сказала мама.

— Мам, если я оставлю подозрительный магический конверт в офисе до утра, Мила либо будет сидеть рядом с ним всю ночь с огнетушителем, либо принесёт его сюда в кастрюле. Оба варианта плохие.

— В кастрюле надёжнее, — заметила Варя.

— Ты молчишь по бабушкиному распоряжению.

— Я уточнила техническую деталь.

Кощей поднялся следом за Мирой.

— Я еду с вами.

— Это не обсуждалось.

— Именно.

Никита тоже встал.

— Я тоже.

— Нет, — одновременно сказали Мира и Кощей.

Они посмотрели друг на друга.

— Интересно, — протянула Алена. — Уже командная работа.

— Никита останется здесь, — сказала Мира. — Ему нужно пробить Обручева по службе и выяснить, кто последний раз видел Левонтия Грача живым, мёртвым или административно полезным.

— Алена, — добавила она, — найди всё по зеркальному коту. Не через открытые чаты, а через своих.

— У меня нет «своих».

— У тебя три бывших поклонника в информационном отделе Лукоморья и одна русалка, которая должна тебе услугу.

— Это не свои. Это последствия моей красоты и хорошей памяти.

— Используй последствия.

— С удовольствием.

Мира закрыла папку и уже собиралась выйти, когда бабушка остановила её у двери столовой.

— Возьми это.

На ладони Марфы лежало тонкое серебряное кольцо без камня. Оно выглядело простым, почти невзрачным, но внутри металла шла тёплая живая искра.

— Бабушка, я не ребёнок.

— Именно поэтому даю кольцо, а не ставлю на тебя защиту силой.

Мира взяла украшение. Металл сразу согрелся, как будто узнал её кожу.

— Что оно делает?

— Не даёт чужим словам становиться твоими мыслями.

Кощей резко посмотрел на кольцо.

— У вас сохранился оберег Сказа?

— У нас много чего сохранилось, Константин. Просто мы не всё показываем мужчинам, которые слишком любят секреты.

— Разумно, — сказала Мира и надела кольцо.

Кощей ничего не ответил, но его взгляд на её руке задержался на мгновение дольше обычного.

Они вышли из дома под недовольный скрип половиц и предупреждающее ворчание Федота, который заявил, что если все погибнут, он забирает пирог. На улице воздух стал сырее, а над садом висела неподвижная темнота. Северин уже стоял у машины, словно всё это время не отъезжал и точно знал, что ужин закончится раньше десерта.

— В офис, — сказал Кощей.

— Я сама умею отдавать адрес, — заметила Мира.

— А я умею экономить время.

— Вы экономите терпение окружающих гораздо хуже.

Северин открыл дверь и, когда Мира проходила мимо, тихо сказал:

— Госпожа Марфа дала вам кольцо. Значит, дело действительно плохое.

— А до этого вы сомневались?

— До этого я считал, что день просто неприятный.

— У вас высокие стандарты неприятности.

— Работа обязывает.

Дорога обратно заняла меньше времени, чем должна была. Москва, казалось, расступалась перед машиной Кощей: светофоры зеленели заранее, пробки отодвигались, случайные пешеходы вдруг вспоминали, что им нужно остановиться. Мира не спрашивала, законно ли это. Во-первых, подзревала, что нет. Во-вторых, сейчас ей было всё равно.

Она перечитывала фотографию конверта, увеличивая почерк. Буквы были чёткими, старомодными, с тонкими нажимами. Так не писали быстро. Так писали с удовольствием.

— Вас назвали поверенной мёртвого человека, — сказал Кощей.

— Заметила.

— Это предупреждение.

— Это хамство. Предупреждения бывают полезными.

— Вы делаете вид, что не воспринимаете опасность серьёз.

— Нет. Я делаю вид, что не даю опасности удовольствия видеть мой страх.

Он молчал несколько секунд.

— Разумная позиция.

— Не звучите так удивлённо.

— Я начинаю понимать, почему Марфа позволила вам взять дело.

— Бабушка мне ничего не позволяет. Она только делает вид, что могла бы запретить.

— Это тоже семейная черта?

— Что именно?

— Неповиновение с юридическим обоснованием.

Мира усмехнулась.

— У нас это вместо герба.

Когда они подъехали к офисному зданию, улица выглядела слишком тихой. Стекланный фасад отражал фонари, мокрый асфальт и тёмное небо, но отражения были неправильными: где-то глубже, за слоями стекла, двигались тени. Охрана в холле спала. Не просто дремала — сидела за стойкой с открытыми глазами и пустыми лицами, словно кто-то нажал паузу.

— Не выходите вперёд, — сказал Кощей.

— Уже поздно просить меня быть декоративной.

— Я прошу вас быть живой.

Фраза вышла резче, чем он, вероятно, планировал. Мира повернулась к нему, но он уже смотрел на вход. Его лицо снова стало непроницаемым, а вокруг пальцев на правой руке закрутилась тонкая тёмная нить.

— Хорошо, — сказала она. — Вы открываете дорогу. Я смотрю документы. Если на нас снова нападёт мебель, вы

извиняетесь перед моим арендодателем.

— Принято.

Они вошли в холл. Тёплый свет ламп дрожал. На полу возле стойки лежали несколько листов рекламных буклетов, и каждый был исписан одной фразой: «Он умер, потому что так написано». Буквы ползли по бумаге, менялись местами, складывались снова.

Мира почувствовала, как кольцо на пальце нагрелось. Фраза попыталась вцепиться в сознание, стать очевидной, привычной, доказанной. Он умер. Так написано. Написанное сильнее живого.

Она сжала руку в кулак.

— Не выйдет, — сказала тихо.

Кощей обернулся.

— Что?

— Текст давит. Хочет, чтобы я поверила.

Его взгляд скользнул к кольцу.

— Оберег держит?

— Держит. Но я бы не стала давать это читать охране.

Кощей провёл рукой над стойкой, и буклеты вспыхнули холодным синим пламенем. Огонь не дал дыма, только оставил на мраморе тонкий слой серого пепла.

— Вы всегда так решаете проблемы с печатной продукцией? — спросила Мира.

— Только с навязчивой.

Лифт не работал. Точнее, двери открылись сами, внутри

горел свет, но на зеркальной стене кабины сидел чёрный кот. Не отражался — именно сидел внутри отражения, аккуратно обвив лапы хвостом.

— Добрый вечер, — сказал кот.

Голос у него был бархатный, вежливый и совершенно невозможный.

Мира остановилась.

— Вы кто?

— Почтальон.

— Почтальоны пользуются дверью.

— Скучные — да.

Кощей шагнул ближе, и тьма у его руки стала плотнее.

— Кто тебя послал?

Кот улыбнулся.

— Тот, кто умеет писать финалы.

— Передай своему хозяину, — сказал Кощей, — что я не принимаю чужие редакции.

— О, он знает. Именно поэтому начал с юриста.

Мира прищурилась.

— Вы принесли конверт?

— Я наблюдал, как его принесли.

— Это не ответ.

— Это сказочный ответ. В нём половина правды и достаточно раздражения.

Она сделала шаг к лифту. Кощей попытался остановить её жестом, но Мира подняла руку.

— Я адвокат. Разговаривать с наглыми существами — часть профессии.

Кот перевёл на неё синие глаза.

— Маргарита Павловна Сказова. Старшая дочь, словеносная ветвь, наследница ключа, который пока не знает, что он ключ.

Кольцо на пальце обожгло. Мира выдохнула медленно, не позволяя словам осесть внутри.

— А вы говорите как плохой гороскоп. Много тумана, мало пользы.

Кот моргнул.

— Забавно. Он сказал, вы будете острее.

— Передайте ему, что я ещё не выпалась.

На мгновение улыбка кота стала шире, и зеркальная кабина лифта потемнела. В глубине отражения возник офис Милы: стойка Милы, мёртвый фикус, разбитая перегородка, а на полу перед дверью серый конверт.

— Откройте письмо, — сказал кот. — И увидите, как легко мёртвые подписывают документы.

— Зачем нам его открывать?

— Потому что у вас мало времени. Завтра в полдень Палата назначит предварительное слушание. Если поверенная не явится, покойник останется без голоса. Если покойник останется без голоса, наследники начнут делить кости.

Кошмой усмехнулся без веселья.

— Моих костей многим не хватит.

— Дело не в костях, Бессмертный. Дело в игле.

Тьма вокруг руки Кощея рванулась вперёд, но кот исчез раньше, чем заклятие коснулось зеркала. Лифт дёрнулся, свет мигнул, и кабина оказалась пустой. Только на зеркальной стене осталась царапина в виде тонкой иглы.

Мира почувствовала, как сердце ударило сильнее. Не от страха. От понимания, что всё, сказанное за столом, только что перешло из семейной тревоги в прямую угрозу.

— Игла, — сказала она.

— Он блефует.

— Вы не уверены.

— Я редко бываю уверен в словах существ, которые прячутся в зеркалах.

— Но сейчас хотели его уничтожить быстрее, чем он договорит.

Кощей не ответил.

Они поднялись по лестнице. На каждом пролёте свет вспыхивал с опозданием, словно здание не хотело видеть, кто идёт вверх. У двери офиса Мира остановилась. Серебряные руны на косяке, восстановленные после нападения, горели неровно. Кто-то был здесь совсем недавно.

Мила сидела внутри на своём месте, прямая как линейка, с электрошокером в одной руке и чайником в другой. При виде Миры она заметно выдохнула.

— Я ничего не трогала. Даже чайник не включала рядом с конвертом, хотя очень хотелось.

— Молодец, — сказала Мира. — Где он?

— На полу. Я поставила вокруг кружки. Не магический круг, конечно, но психологически помогло.

Серый конверт лежал посреди приёмной, окружённый четырьмя кружками с надписями: «Лучший юрист», «Не беси адвоката», «Кофе — доказательство жизни» и «Я предупредила». Последняя, очевидно, принадлежала бабушке и каким-то образом оказалась в офисе раньше всех.

Кощей посмотрел на импровизированную защиту.

— Не самый худший круг, который я видел.

Мила оживилась.

— Правда?

— Один князь в пятнадцатом веке пытался удержать демона лаптями.

— Удержал?

— Нет.

— Тогда спасибо. Наверное.

Мира присела перед конвертом, не касаясь его. Почерк на бумаге выглядел спокойным и уверенным. Чернила не блестели, не шевелились, не пытались уползти. И именно поэтому казались особенно опасными.

— Мила, домой, — сказала Мира.

— Но...

— Сейчас. По дороге никому не отвечаешь, в зеркала не смотришь, в метро не садишься. Такси я вызову. Доедешь — напишешь.

— А если за мной кто-то пойдёт?

Кощей вынул из внутреннего кармана визитную карточку и протянул ей.

— Скажете вслух моё имя и разорвёте это.

Мила взяла карточку двумя пальцами.

— А что случится?

— Неприятность.

— С кем?

— С тем, кто пойдёт за вами.

Мила посмотрела на Миру.

— Ваши клиенты становятся лучше.

— Не привыкай.

Когда секретарь ушла, офис стал слишком тихим. За окнами шумел город, но сюда звук проникал приглушённым, как через воду. Мира достала из ящика тонкий нож для бумаги, на рукояти которого бабушка когда-то выжгла защитную вязь, и протянула руку к конверту.

Кощей накрыл её запястье ладонью.

Прикосновение вышло неожиданным. Холодным, но не мёртвым. Сильные пальцы сомкнулись осторожно, без боли, и всё равно Мира вдруг слишком остро ощутила, как близко он стоит. Не нависает, не давит, а удерживает границу.

— Я открою, — сказал он.

— Это письмо адресовано мне.

— Именно поэтому.

— Уберите руку.

— Сказова.

— Я сказала: уберите руку.

Он отпустил. Не сразу, но отпустил. И это, странным образом, было важнее, чем если бы он вообще не попытался вмешаться.

Мира аккуратно вскрыла конверт. Ничего не взорвалось, не завыло и не попыталось утащить её в архив мёртвых нотариусов. Внутри лежал один лист плотной бумаги и маленький чёрный лепесток, похожий на сгоревшую страницу.

Она развернула лист.

Текст был коротким.

«Предварительное слушание по делу о признании Кощея Бессмертного умершим состоится завтра в полдень в Палате переходных прав. Поверенная вправе явиться. Покойник вправе молчать. История вправе закончиться».

Ни подписи, ни печати. Только внизу — тонкий рисунок пера, перечёркнутого иглой.

Мира прочитала вслух. Кощей молчал до последнего слова.

— Это не официальное уведомление, — сказала она.

— Нет.

— Но слушание может быть официальным.

— Да.

— Значит, они хотят, чтобы я пришла неподготовленной.

— Они хотят, чтобы вы пришли вообще.

— А вы хотите сказать, что я не пойду.

Кощей посмотрел на неё так, будто между ними снова встала та самая древняя дверь.

— Я хочу сказать, что завтра в полдень Палата будет местом, где вас попытаются использовать против меня.

— Тогда хорошо, что я умею быть неудобным инструментом.

— Вы не понимаете масштаб.

— А вы не понимаете, что масштаб не является уважительной причиной для паники.

Он сделал шаг ближе. В офисе и так было мало места после погрома, а теперь воздух между ними стал плотнее, почти осязаемым. Мира подняла голову. Ей пришлось бы отступить, чтобы сохранить привычную дистанцию, но она не отступила.

— Если они знают об игле, — сказал Кощей низко, — это уже не имущественный спор.

— Я поняла.

— Нет. Вы услышали слово и составили план. Это не одно и то же.

— А вы услышали угрозу и решили закрыть меня дома у бабушки под пирогом. Тоже не блестящая стратегия.

Он смотрел на неё долго. Слишком долго для делового разговора. В его взгляде снова мелькнуло то странное сочетание раздражения и интереса, которое действовало на нервы сильнее открытой грубости.

— Вы всегда спорите с теми, кто пытается вас защитить?

— Нет. Только с теми, кто путает защиту с командованием.

— Я не командую.

— У вас это получается даже молча.

Кощей отвернулся первым. Не потому, что проиграл, а потому, что решил не продолжать. Это тоже было заметно.

— Завтра в полдень, — сказала Мира, складывая письмо обратно. — До этого мне нужны все материалы: ваши наследственные договоры, список лиц, имеющих старые претензии, доступ к вашим последним сделкам за последние десять лет и сведения о Граче.

— Последние десять лет? — переспросил он.

— Для вас это, наверное, как посмотреть вчерашние чеки.

— Можно сказать и так.

— Ещё мне нужен ваш официальный представитель от компании, чтобы запросить документы без проволочек.

— Северин подготовит.

— Северин водитель.

— Северин много кто.

— Конечно. У древних бессмертных даже водитель должен быть многофункциональным.

Кощей достал телефон, набрал короткое сообщение и убрал аппарат обратно.

— Через час вы получите защищённый доступ.

— Через час я буду дома и попытаюсь поспать хотя бы четыре часа.

— Вам придётся работать.

— Мне придётся быть живой завтра в полдень, а для этого желательно не прийти в Палату с лицом ожившего фикуса.

— Вы относитесь к угрозе слишком легко.

— Я отношусь к ней профессионально. Паника плохо сочетается с судебной речью.

Мира сфотографировала письмо, положила оригинал в защитный пакет и только после этого позволила себе медленно выдохнуть. День начался с домового, который не хотел быть имуществом, а закончился письмом, где неизвестный предлагал истории завершиться. В промежутке её клиент оказался живым покойником, семейный ужин превратился в совет по древней угрозе, а зеркало в лифте разговаривало голосом чужого посланника.

Рабочий день можно было считать насыщенным.

Она выключила свет в кабинете и вышла в приёмную. Кошечка ждал у двери. Не торопил. Просто стоял, и от этого офис казался не пустым, а охраняемым. Мира не собиралась признавать, что это ощущение ей нравится.

— Я отвезу вас домой, — сказал он.

— Я могу вызвать такси.

— Можете.

— Но вы всё равно будете стоять здесь с лицом древнего неодобрения, пока я не соглашусь?

— Вероятно.

— Вы невыносимы.

— Мне говорили.

— Наверняка многие.

— Не все выжили после разговора.

— Видите? А потом удивляетесь, что вас пытаются признать мёртвым.

На этот раз он улыбнулся. Почти по-настоящему. На секунду, не больше. Но этой секунды хватило, чтобы Мира неожиданно поняла: когда Кощей Бессмертный перестаёт быть каменной статуей, он становится гораздо опаснее.

Они вышли из офиса. Дверь закрылась за ними, руны вспыхнули и затихли. В пустой приёмной четыре кружки всё ещё стояли кругом вокруг места, где лежал конверт. На зеркальной перегородке, которую мастер так и не успел заменить, медленно проступила новая надпись, тонкая, как царапина иглой:

«Полдень. Палата. Начало раздела».

А внизу, совсем мелко, будто кто-то добавил это после паузы, появилась ещё одна строка:

«Пусть адвокат подготовит возражения. Сказки любят порядок».

Глава 3. Палата переходных прав

Утро началось не с кофе, а с того, что дом Сказовых попытался не выпустить Миру на работу.

Сначала лестница, по которой она спускалась из своей комнаты, сделала вид, будто всю ночь стояла на три ступеньки длиннее. Потом коврик у входа сложился пополам, изображая крайне убедительный обморок. После этого дверной замок щёлкнул сам собой и обиженно спрятал скважину под бронзовой мордой, которая обычно служила украшением и молчала, если в доме не происходило ничего особенно глупого.

— Даже не начинай, — сказала Мира, останавливаясь перед дверью с папкой под мышкой и чашкой кофе в руке. — Я опаздываю в суд, а не на свидание с упырём.

Бронзовая морда приоткрыла один глаз.

— Формально Палата переходных прав не суд, — пробасила она голосом деда Семёна, хотя сам дед в это время грюмхал гирями в дальней комнате. — А свидания с упырями в нашей семье запрещены с девятьсот двенадцатого года.

— Я это обязательно внесу в семейный кодекс, когда выживу после сегодняшнего полдня.

Замок подумал, скрипнул и не открылся.

Мира поставила чашку на тумбочку, где уже стояла тарелка с горячими сырниками. Тарелка появилась сама. Ря-

дом лежала записка маминым почерком: «Съешь. На одном упрямстве далеко не уедешь». Под запиской бабушка написала: «На магическом слушании не спорь с мёртвыми архивариусами, если у них печати старше тебя». Ещё ниже Варя добавила фиолетовой ручкой: «Если увидишь Кощея без рубашки, сделай вид, что случайно, но потом расскажи».

Мира закрыла глаза, медленно вдохнула и решила, что утро всё-таки может стать хуже.

— Я не собираюсь видеть Кощея без рубашки, — громко сказала она в сторону кухни.

Где-то за стеной что-то упало. Судя по дружному смешку, Варя либо подслушивала, либо не отходила от двери с самого рассвета.

— Не зарекайся, — донеслось из кухни голосом младшей сестры. — Сказки любят иронию.

— Сказки сегодня любят порядок, — поправила Мира и взяла один сырник пальцами, потому что спорить с матерью на голодный желудок было небезопасно даже для взрослой женщины с юридическим стажем. — И если дом немедленно не откроет дверь, я подам заявление о незаконном удержании поверенного перед заседанием.

Бронзовая морда тяжело вздохнула.

— Ты опять принесёшь домой что-нибудь проклятое.

— Вчера я принесла Кощея, и ты справился.

— Кощей сам проклятый, это не считается.

Дверь открылась с таким видом, будто делала ей огромное

одоление. В лицо пахнуло влажным сентябрьским утром, мокрой листвой и городом, который уже проснулся, но ещё не успел окончательно рассердиться. Мира вышла на крыльцо и застегнула пальто. На безымянном пальце правой руки тускло блеснуло бабушкино кольцо — простое, медное, с потёртой вязью на внутренней стороне. Ночью она трижды пыталась снять его, чтобы рассмотреть под лампой, но кольцо каждый раз становилось теплее и упрямо напоминало, что некоторые вещи в семье Сказовых выдавались не для красоты.

На улице у ворот стояла чёрная машина Кощея. Северин, неизменно прямой, как выговор, держал открытую заднюю дверь. Сам Кощей стоял рядом и смотрел на дом так, будто дом смотрел на него первым. Впрочем, так и было. Окна второго этажа подозрительно щурились, водосточная труба время от времени булькала, а флюгер в виде петуха развернулся к гостю хвостом.

— Доброе утро, Константин Вадимович, — сказала Мира, спускаясь по ступеням. — Дом просил передать, что его мнение о вас не изменилось.

— Я польщён его постоянством.

— Он ещё сказал, что если вы испортите мне день, он найдёт вашу родовую недвижимость и начнёт скрипеть там по ночам.

Кощей перевёл взгляд с окон на неё. Сегодня он выглядел так, будто спал не больше двух часов, но даже усталость у

него была собрана в дорогой тёмный костюм и застёгнута на все пуговицы. Чёрное пальто сидело безупречно, волосы были зачёсаны назад, лицо оставалось спокойным. Только глаза казались темнее, чем вчера, и в этой темноте Мира уловила не тревогу, а старую готовность к удару.

— Ваш дом слишком много на себя берёт, — заметил он.

— Вы просто не видели его в день, когда папа решил поставить пластиковые окна.

Северин кашлянул в кулак. Кощей, кажется, сделал вид, что не услышал.

— Материалы вы получили? — спросил он.

— Получила, прочитала, пожалела ваши бухгалтеров и слегка возненавидела ваших юристов. У вас архив оформлен так, будто его составляли люди, которые мечтали пережить конец света и налоговую проверку одновременно.

— Они и пережили.

— Тогда у меня к ним меньше претензий, но только с человеческой стороны.

Мира села в машину, устроила папку на коленях и сразу открыла верхний файл. Ночью Северин действительно прислал защищённый доступ к материалам: наследственные договоры, старые доверенности, перечень имущества, список лиц с историческими претензиями, судебные выписки, семьдесят четыре соглашения о неразглашении и отдельный раздел под названием «Лица, которые считают, что Константин Вадимович испортил им жизнь». Последний раздел оказал-

ся самым объёмным.

Кощей сел рядом. Машина тронулась бесшумно, выехала за ворота и влилась в утренний поток так гладко, будто для неё правила дорожного движения были скорее старинным обычаем, чем обязанностью.

— Я выделила основные линии, — сказала Мира, не тратя время на вступления. — Официально заявителем в деле о признании вас умершим выступает некий Фонд восстановления исторической справедливости. Название прекрасное. Сразу хочется проверить сейфы.

— Фонд подставной.

— Разумеется. Учредитель — человек, который умер два года назад, директор — женщина, находящаяся в монастыре под Псковом с обетом молчания, бухгалтерия сдаёт отчёты с идеальной пунктуальностью, а юридический адрес совпадает с лавкой, где продают амулеты от сглаза и зарядки для телефонов.

— Вы быстро работаете.

— Я злая, когда меня пытаются использовать как приманку.

— Вы могли не идти.

Мира закрыла папку и посмотрела на него поверх обложки.

— У нас есть деловые отношения, Бессмертный. Вы приносите мне неприятности, я превращаю их в документы, а потом кто-нибудь за это платит. Ваша попытка сделать вид,

что вы великодушно позволяете мне не участвовать, засчитывается как первое утреннее раздражение.

— Только первое?

— День молодой.

Северин, сидевший за рулём, едва заметно улыбнулся. Кощей не улыбнулся, но уголок его рта дрогнул так быстро, что Мира могла бы принять это за игру света, если бы не смотрела внимательно.

— Что ещё? — спросил он.

— Нотариус Грач исчез. Его контора закрыта, помощница уволилась вчера утром, а электронная печать продолжает подписывать документы из защищённого контура. Это значит, что либо он работает из укрытия, либо кто-то использует его доступ.

— Грач не стал бы играть против меня самостоятельно.

— Потому что боится?

— Потому что дорожит выгодой. Страх у людей проходит, выгода держит их дольше.

— Прекрасная жизненная философия для человека, которого пытаются признать покойником.

— Она помогала мне не становиться им многие века.

Мира хотела ответить, но телефон завибрировал. На экране высветился Никита. Она включила громкую связь, потому что рядом с Кощеем всё равно не существовало частных разговоров; он выглядел как человек, который слышал шёпот через закрытые стены и считал это не вторжением, а

естественным порядком вещей.

— Ты уже едешь? — спросил брат без приветствия.

— Да. Если ты собираешься сказать, что мне нельзя идти, встань в очередь за домом, Кощеем и здравым смыслом.

— Я собирался сказать, что Палату сегодня оцепили. Официально — профилактическая проверка переходов. Неофициально — там чужая тень на входе.

Кощей чуть повернул голову.

— Чья?

— Не знаю, красавец мрачный, я не ясновидящий, я всего лишь человек с доступом к оперативной сводке. Но ребята говорят, что одна из внутренних дверей открылась сама и выпустила запах горелой бумаги.

Мира почувствовала, как папка на коленях стала тяжелее.

— Бумаги или страниц?

— Вот поэтому я и звоню. Похоже на страницы. И ещё кое-что: в списке участников слушания появился представитель заявителя. Имя — Аристарх Белый.

Северин резко притормозил на светофоре, хотя перед машиной было достаточно места. Кощей впервые за всё утро изменился в лице. Не сильно, но Мира уже начинала различать его микроскопические реакции. Взгляд стал жёстче, а пальцы правой руки легли на подлокотник так, будто под деревом скрывалась рукоять меча.

— Он умер, — сказал Кощей.

— Судя по сегодняшнему списку, у вас с этим понятием

в целом творится путаница, — заметил Никита. — Мира, я буду внутри как наблюдатель от службы. Не лезь в боковые переходы без меня.

— Никита.

— Не начинай. Я не говорю тебе сидеть дома. Я говорю не лезть в дверь, которая дышит пеплом. Это разные уровни мужской глупости.

— Мужской?

— Женская глупость у нас в семье называется инициативой и обычно заканчивается тем, что дед достаёт мечи.

— Передай службе, что если они будут мешать моей работе, я подам жалобу.

— Передам. Они обрадуются, потому что давно хотели почувствовать себя обычными смертными.

Связь оборвалась. Мира убрала телефон, а в машине на несколько секунд повисла тишина. За окном Москва двигалась своим привычным ритмом: люди спешили к метро, курьеры маневрировали между автобусами, дворник ругался на листья так искренне, будто они лично его предали. На углу у кофейни стояла русалка в длинном плаще и спорила с бариста о том, что сироп «морская соль» является культурным оскорблением. Мир оставался обычным ровно до той черты, за которой начинались вещи, о которых обычные люди не спрашивали.

— Кто такой Аристарх Белый? — спросила Мира.

Кощей не сразу ответил. Он смотрел вперёд, и отражение

города скользило по стеклу поверх его лица.

— Архивариус старого приказа. Когда-то занимался наследственными переходами между человеческими и сказочными родами. Знал, где хранятся договоры, как обходить печати и какие слова в завещаниях лучше не произносить вслух.

— По вашему тону понимаю, что он был неприятным человеком.

— Он был полезным человеком. Это хуже.

— И умер?

— Я присутствовал при его погребении.

— Лично проверили пульс?

— Лично закрыл крышку.

— В вашем кругу это, видимо, считается слабым доказательством.

Северин свернул с набережной в переулок, который Мира не помнила на карте города. Дома стали ниже, старше, плотнее прижались друг к другу. Асфальт под колёсами сменился брусчаткой, хотя ещё секунду назад вокруг была обычная Москва. Между двумя доходными домами начала проявляться арка с коваными створками. Над аркой горели буквы, видимые только тем, кто уже перешёл за грань обычного: «Палата переходных прав».

— Доказательств сегодня вообще будет мало, — сказал Кощей. — Их заменят впечатлением.

— Тогда хорошо, что впечатление я умею портить.

— Зачем вы это делаете? — неожиданно спросил он.

— Что именно?

— Шутите, когда опасно.

Мира посмотрела на Палату, на каменные львиные морды по обе стороны арки, на людей и существ, которые проходили внутрь через разные створки и исчезали в серебристой дымке. У входа высокий мужчина с лицом совы проверял пропуска, старуха в малиновой шляпе держала в поводке маленького чёрта, а двое домовых спорили с приставом о праве коллективного проживания в коммунальной квартире.

— Потому что если перестать шутить, придётся начать бояться, — сказала она наконец. — А я не люблю тратить силы на то, что ничего не решает.

Кощей посмотрел на неё внимательнее, чем требовалось. В этом взгляде не было насмешки, только странное молчаливое принятие факта, который ему почему-то оказался понятен. Мира первой открыла дверь машины, чтобы не дать этому молчанию стать слишком личным.

У Палаты пахло мокрым камнем, чернилами и старой властью. Не государственной, а той, которая существовала до гербов, печатей и табличек на дверях. Здание пряталось в узком переулке, но внутри оказалось огромным: высокий холл уходил вверх на несколько этажей, лестницы пересекались в воздухе, переходы открывались в стены и закрывались, когда кто-то слишком долго смотрел на них без разрешения. В центре висели часы без стрелок. Вместо цифр по циферблату

двигались слова: «подано», «принято», «оспорено», «утрачено», «возвращено», «переходит».

Мира остановилась на пороге всего на секунду. Этой секунды хватило, чтобы Палата заметила её.

Пол под ногами мягко дрогнул. В воздухе вспыхнули тонкие нити проверки, прошли по пальто, по сумке, по папке с документами и задержались на медном кольце. Кольцо нагрелось, но не обожгло. Где-то над головой сухой голос произнёс:

— Маргарита Павловна Сказова. Поверенная. Родовой допуск подтверждён. Словоносная ветвь. Ключевой статус не раскрыт.

Мира подняла глаза.

— Что значит «ключевой статус не раскрыт»?

— Значит, Палата умнее, чем выглядит, — сказал Кощей рядом.

— А выглядит она как место, где даже пыль требует заявление в двух экземплярах.

Сухой голос после паузы добавил:

— Замечание внесено.

Северин тихо произнёс:

— Палата не любит сарказм в отношении делопроизводства.

— Будем знакомы, — сказала Мира потолку. — Я тоже.

Кощей прошёл проверку иначе. Нити вспыхнули вокруг него тёмным золотом, отступили и на секунду вытянулись в

форму короны, которая тут же рассыпалась пеплом. Голос стал ниже:

— Константин Вадимович Чернобогов-Кошей. Сторона дела. Статус: спорный.

— Чернобогов? — переспросила Мира, забыв про официальный тон.

— Устаревшая фамилия.

— Вы не сочли нужным упомянуть, что у вас есть фамилия, звучащая как угроза пенсионному фонду?

— Она редко бывает полезна.

— В деле о признании умершим полезны любые ваши фамилии. Особенно те, от которых у регистратора начинаются тремор и желание уйти в отпуск.

— Я добавлю их в список.

— Весь список. Без сюрпризов.

— Вы не любите сюрпризы?

— Я юрист. Я люблю приложения к договору.

Они прошли к стойке регистрации. За стойкой сидела женщина в строгом зелёном костюме, с тонкими очками на цепочке и лицом человека, который за последнюю сотню лет не простил никому неправильно заполненную форму. На бейдже значилось: «Е. Е. Лиходеева, старший распорядитель переходов». Её волосы были собраны в пучок так туго, что Мира невольно подумала: даже мысли этой женщины должны подаваться по внутреннему регламенту.

— Дело номер семьсот тринадцать дробь Б, — сказала

Мира, выкладывая доверенность. — Предварительное слушание по заявлению о признании Константина Вадимовича Чернобогова-Кошея умершим. Я представляю сторону заинтересованного лица, которое, как ни странно, стоит рядом.

Лиходеева посмотрела на Кошея, потом на бумаги, потом снова на Кошея. Ни один мускул на её лице не дрогнул.

— Факт физического присутствия не отменяет необходимости процессуального подтверждения статуса.

Мира почти восхитилась.

— Простите, вы сейчас действительно сказали, что живой человек рядом с вами не является достаточным доказательством того, что он жив?

— В Палате переходных прав физическое присутствие может быть обеспечено проклятием, иллюзией, посмертным поручением, временным телесным контрактом, наследственной проекцией или ошибкой канцелярии. Последнее встречается реже, но исключать его нельзя.

— Сильная позиция. Я возьму её на заметку для налоговых проверок.

Лиходеева не оценила, зато чёрт на поводке неподалёку прыснул и тут же получил от хозяйки по рогам маленькой сумочкой.

— Представитель заявителя уже прибыл? — спросил Кошей.

— Господин Белый находится в зале ожидания третьего порядка.

— Он предъявил подтверждение личности?

— Палата подтвердила его право представлять заявление.

— Я спросил не это.

Лиходеева впервые позволила себе посмотреть на него не как на строку в деле, а как на проблему, которая когда-то уже портила кому-то отчётность.

— Константин Вадимович, до начала слушания стороны не вправе оспаривать допуск друг друга без письменного ходатайства.

Мира молча взяла со стойки бланк ходатайства.

— Чёрной ручкой, — сказала Лиходеева.

— У меня синяя.

— Чёрной.

Кощей достал из внутреннего кармана перо в серебряном футляре. Мира посмотрела на него с подозрением.

— Это безопасно?

— Относительно.

— В вашей системе координат это означает «может потребовать каплю крови».

— Не вашей.

— Тогда давайте.

Перо оказалось удивительно удобным. Чернила легли ровно, буквы на бумаге сами выстраивались строже, чем обычно, будто не хотели позориться перед Палатой. Мира быстро составила ходатайство о проверке личности представителя заявителя и приложила ссылку на пункт регламента, кото-

рый нашла ночью в материалах. Лиходеева прочитала текст, кивнула так неохотно, будто Мира испортила ей маленькую личную радость.

— Будет рассмотрено вместе с делом.

— То есть никогда, — уточнила Мира.

— То есть в установленном порядке.

— Именно.

Из бокового коридора вышел Никита. В форме службы Междумирья он выглядел почти официально, если не считать расстёгнутого воротника и выражения лица человека, который давно привык к тому, что официальность заканчивается там, где начинается его семья. На поясе у него висел короткий клинок, замаскированный под складной зонт. За плечом держалась тонкая дымчатая тень служебного амулета.

— Сестра, — сказал он, подходя ближе. — Бессмертный Северин. Здание пока не рухнуло, но это, возможно, потому что Варю не пустили внутрь.

— Варя пыталась пройти? — спросила Мира.

— Она сказала охране, что является стажёром по эмоциональной поддержке адвоката.

— Её не пустили?

— Ей предложили заполнить форму двадцать три-Б. Она ушла за ручкой и, надеюсь, заблудилась в кофейне.

Кощей слегка повернулся к Мире.

— Ваша семья всегда приходит полным составом?

— Нет. Сегодня все ведут себя сдержанно.

Никита наклонился к ней и уже тише добавил:

— Белого я видел. Выглядит живым, но от него пахнет не человеком.

— Чем?

— Архивной пылью, горелой бумагой и чужим ртом.

Мира поморщилась.

— Это звучит отвратительно даже для нашей недели.

— Это не всё. Дверь третьего порядка открывалась дважды, хотя список входящих не менялся. Кто-то ещё внутри, но Палата делает вид, что не замечает.

— Или ей приказали не замечать, — сказал Кощей.

Никита посмотрел на него впервые без обычной насмешки.

— Такое возможно?

— Палата старая, но не неподкупная. Особенно если взятка упакована в правильно оформленную историю.

Объявление о начале слушания прозвучало не голосом, а ударом маленького колокола, которого никто не видел. Часы без стрелок на мгновение остановили бегущие слова. На циферблате осталось одно: «рассмотреть».

Зал предварительных слушаний оказался круглым, с высоким потолком и стенами из тёмного дерева. По стенам шли полки с делами, и папки на этих полках дышали. Некоторые шептали, некоторые тихо спорили между собой, а одна толстая книга у двери при появлении Кощей демонстративно

захлопнулась. В центре стоял стол для сторон, напротив — возвышение для палаты, где уже сидели трое распорядителей.

Средний распорядитель был седым мужчиной с лицом усталого судьи и глазами человека, который видел столько наследственных споров, что мог распознать семейную ложь по постановке запятой. Справа от него сидела сухая старуха в чёрном, слева — молодой на вид мужчина с прозрачными пальцами. Он то появлялся полностью, то слегка мерцал, как плохо закреплённое воспоминание.

У противоположного стола стоял Аристарх Белый.

Он выглядел лет на шестьдесят: высокий, худой, в светлом костюме старомодного покроя, с гладкими серебряными волосами и лицом, которое запоминалось плохо. Мира поймала себя на том, что не может удержать в памяти форму его носа, линию рта, цвет глаз. Стоило отвернуться, и черты расплывались, оставляя после себя только впечатление вежливой пустоты.

Рядом с ним лежала тонкая папка. На обложке чернел знак пера, перечёркнутого иголкой.

— Не смотрите на него долго, — тихо сказал Кощей.

— Почему?

— Он когда-то умел уговаривать память уступать место.

— А сейчас?

— Сейчас он должен быть мёртв.

— Я уже поняла, что сегодня это не аргумент.

Белый повернулся к ним и улыбнулся. Улыбка была безупречной, как подпись на завещании, составленном против наследников.

— Константин Вадимович, — произнёс он. — Не ожидал увидеть вас в таком хорошем состоянии.

— Я тоже не ожидал увидеть вас вообще.

— Палата любит возвращать старые долги.

— Старые долги любят, когда их оплачивают окончательно.

— Господа, — вмешался средний распорядитель, ударив маленьким молоточком по столу. Звук получился сухим, бумажным. — Дело номер семьсот тринадцать дробь Б. Заявление Фонда восстановления исторической справедливости о признании Константина Вадимовича Чернобогова-Кошея умершим с последующим переходом имущества, обязательств, печатей и нераскрытых родовых прав в управление доверительного хранителя. Предварительное слушание открыто.

Мира поднялась.

— Маргарита Павловна Сказова, представитель заинтересованного лица. Сразу заявляю возражение против формулировки «умершим», поскольку моё доверенное лицо находится в зале, дышит, раздражает окружающих и проявляет признаки полноценной правоспособности.

В зале кто-то тихо хмыкнул. Старуха-распорядитель подняла глаза, но не сделала замечания. Кошей сидел неподвижно.

но; только Северин, оставшийся за спиной, будто стал на полтона менее каменным.

— Возражение принято к сведению, — сказал средний распорядитель. — Палата напоминает, что в делах переходного статуса физическое присутствие стороны не является исчерпывающим доказательством жизни.

— Именно поэтому я прошу приобщить к делу медицинское заключение, банковскую активность, контракты, подписанные личной печатью за последние сутки, а также готовность моего доверителя лично ответить на вопросы Палаты, если они не будут носить характер посмертного любопытства.

Белый поднялся плавно, словно его тянули за невидимую нить.

— Уважаемая Палата, заявитель не утверждает, что присутствующая в зале форма не обладает признаками деятельности. Однако речь идёт не о бытовой жизни, а о юридическом завершении сказочного статуса. Константин Вадимович давно утратил связующую историю, необходимую для сохранения прав. Его бессмертие не является доказательством того, что он всё ещё является собой.

Мира медленно повернулась к нему.

— Простите, это вы сейчас хотите признать человека мёртвым, потому что он, по вашему мнению, недостаточно похож на самого себя?

— Я хочу признать завершённой историю, которая боль-

ше не имеет действующего носителя.

— Как удобно. Обычно, когда люди хотят забрать чужое имущество, они хотя бы не называют это литературным анализом.

На этот раз даже молодой распорядитель с прозрачными пальцами улыбнулся краем рта.

Белый не смутился. Он открыл папку и вынул первый документ. Бумага была тонкой, почти просвечивающей, но печать на ней темнела густо, будто впитала не чернила, а ночь.

— Заявитель представляет заключение о разрыве жизненной нити Кощея Бессмертного, составленное на основании архивной проверки. Согласно заключению, смерть указанного лица извлечена из оборота, сокрыта и не подтверждена действующей привязкой к телесному носителю. В таких обстоятельствах Палата вправе признать тело временным держателем прав, а историю — завершённой.

Кощей молчал. Мира чувствовала его молчание рядом как холодную стену. Впервые за всё время ей захотелось не поддеть его словом, а прикрыть от чужого взгляда, потому что Белый говорил не о документах. Он аккуратно, вежливо и публично разбирает Кощея на юридические части, пытаясь доказать, что человек без доступной смерти уже не человек.

Мира взяла документ, который передал пристав, и быстро пробежала глазами первые строки.

— Интересно, — сказала она. — Заключение составлено на основании архивной проверки, но не содержит номера

допуска к архиву, ссылок на первичный источник и подписи ответственного хранителя. Здесь только печать.

— Печать Палаты достаточна, — ответил Белый.

— Для входящего письма — возможно. Для попытки признать живого бессмертного юридическим пережитком — нет.

Старуха-распорядитель наклонилась к документу.

— Представитель Сказова, вы заявляете о дефекте доказательства?

— Я заявляю о дефекте происхождения. Документ выглядит как официальный, говорит как официальный, пахнет как официальный, но ни один настоящий архивист не оформил бы заключение без источника. Разве что архивист очень хотел, чтобы мы смотрели на печать и не задавали вопросов.

Белый снова улыбнулся.

— Молодость всегда верит в вопросы.

— А старые интриганы всегда надеются, что их примут за мудрецов.

Средний распорядитель стукнул молоточком, но без особого энтузиазма.

— Стороны воздержатся от оценочных характеристик.

— Я постараюсь, — сказала Мира. — Но гарантий не даю, потому что представитель заявителя провоцирует профессионально.

Кощей наконец повернул голову. В его взгляде мелькнуло то самое опасное почти-веселье, которое Мира уже видела

накануне. Оно исчезло быстро, но этого хватило, чтобы она поняла: он не сломлен. Злится, да. Сдерживается — несомненно. Но не сломлен.

Белый передал второй документ.

— Кроме того, заявитель представляет свидетельские показания о последнем появлении смертной привязки Кошца Бессмертного. В показаниях указано, что игла, являющаяся предметом привязки, была отделена от прежнего хранилища, а защитная оболочка утратила целостность.

В зале стало тише. Папки на полках перестали шептать. Никита у двери едва заметно выпрямился, рука легла ближе к замаскированному клинку. Северин не шевельнулся, но в его неподвижности появилось что-то страшное.

Мира приняла лист и почувствовала, как медное кольцо обожгло палец. Не больно. Предупреждающе.

Текст был коротким. Свидетель утверждал, что видел раскрытое яйцо, сломанный сундук, мёртвого зайца, растерзанную утку и иглу, вынутую из старого порядка. Подписи свидетеля не было. Вместо неё стоял рисунок чёрного пера.

— Это не показания, — сказала Мира.

— Форма показаний для лиц с утраченным именем допускает знаковое подтверждение, — возразил Белый.

— Допускает, если личность такого лица установлена Палатой и присутствует протокол принятия. Здесь протокола нет. Здесь страшная сказочка, написанная так, чтобы все дружно вспомнили детство и перестали читать регламент.

— Вы оспариваете самую возможность существования смертной привязки?

— Я оспариваю вашу привычку путать возможность с доказательством. Если кто-то написал на бумаге «игла найдена», это не значит, что игла найдена. Это значит, что кто-то умеет писать.

— Иногда этого достаточно, — тихо сказал Белый.

Слова прозвучали мягко, почти без угрозы, но Мира вдруг почувствовала, как воздух над столом дрогнул. Буквы на листе начали шевелиться. Чёрные строки вытянулись тонкими нитями, поднялись над бумагой и потянулись к Кощей, будто искали, к чему прикрепиться.

Кощей поднял руку, но Мира опередила его.

Она положила ладонь на документ и произнесла не громко, но так, чтобы слышала Палата:

— До установления происхождения доказательства любые попытки придать ему силу считаются давлением на сторону и нарушением порядка рассмотрения.

Кольцо вспыхнуло тёплым медным светом. Нити остановились в воздухе. На секунду Мира увидела их ясно: не чернила, а чужие слова, натянутые, как леска. Они не просто сообщали о смерти. Они пытались заставить зал признать её.

— Возражение поддержано, — неожиданно сказал молодой распорядитель с прозрачными пальцами. Его голос был тихим, но по залу прошла волна. — Документ проявил активное воздействие до принятия Палатой.

Старуха-распорядитель посмотрела на него неодобрительно, средний распорядитель нахмурился. Белый впервые перестал улыбаться.

— Представитель заявителя, — сказал средний распорядитель, — объясните активность документа.

— Старые бумаги иногда реагируют на присутствие предмета спора.

— Старые бумаги реагируют на влажность, — сказала Мира. — Это пыталось провести юридический сеанс гипноза.

— Формулировка непроцессуальна, но по существу верна, — заметил молодой распорядитель.

Мира решила, что прозрачный ей нравится.

Белый закрыл папку, и нити тут же осыпались на стол серым пеплом. Один хлопок лёг на рукав Миры. Она стряхнула его и почувствовала лёгкий запах горелой страницы — тот самый, о котором говорил Никита.

— Уважаемая Палата, — произнёс Белый уже холоднее, — сторона заинтересованного лица пытается затянуть рассмотрение очевидного вопроса. Если смерть Кошея Бесмертного не находится в установленном хранилище и не подтверждена действующей оболочкой, его статус должен быть признан переходным. В противном случае Палата допускает существование субъекта без конечной точки, а значит, без правовой определённости.

— Правовая определённость не требует убивать клиента

ради удобства таблицы, — сказала Мира.

— Никто не говорит об убийстве.

— Вы просто хотите признать его уже достаточно мёртвым, чтобы начать делёж.

— Госпожа Сказова, вы защищаете не человека, а нарушение порядка.

Кощей медленно поднялся.

Температура в зале изменилась. Не резко, не театрально, но все почувствовали, как воздух стал глубже и темнее. Папки на полках притихли, часы без стрелок за стеной будто перестали двигать слова. Даже Белый чуть отступил от стола, хотя тут же взял себя в руки.

— Вы много говорите о порядке, Аристарх, — сказал Кощей. — Я помню время, когда вы продавали порядок тем, кто платил быстрее.

— Я служил архиву.

— Вы служили выживанию. Это честнее, но хуже звучит в протоколе.

— Прошу Палату отметить давление на представителя заявителя, — сказал Белый.

— Отмечено, — сухо произнесла старуха. — Константин Вадимович, вернитесь к вопросам статуса.

— Мой статус прост. Я жив.

— Палате требуются доказательства.

Кощей посмотрел на Миру. Не вопросительно. Скорее проверяя, готова ли она к тому, что он сейчас сделает. Ми-

ра хотела сказать ему не играть по чужим правилам, но не успела.

Он расстегнул пуговицу на манжете и провёл ногтем по внутренней стороне запястья. На бледной коже выступила капля крови. Тёмная, почти чёрная, она не упала, а застыла на коже, словно тяжёлая бусина.

— Кровь действующего тела, — сказал он.

Зал отозвался шорохом. В Палате кровь была доказательством старым, грубым и неудобным. От неё нельзя было отмахнуться формулировками.

Мира взяла чистый лист, чтобы зафиксировать заявление, но Белый резко поднял руку.

— Возражаю. У бессмертных кровь может сохранять активность после смерти.

— Удобно, — сказала Мира. — Живой человек в зале не доказательство, кровь не доказательство, подписи не доказательство. Скажите сразу, какое доказательство устроит заявителя: чтобы мой доверитель лёг в гроб и вежливо освободил имущество?

— Меня устроит возврат смерти в законный оборот.

Эта фраза ударила сильнее, чем предыдущие. Мира почувствовала, как рядом с ней Кощей стал неподвижным. Не холодным, не злым — пустым на один краткий миг, будто из него действительно вынули что-то очень старое.

Она поднялась и положила ладонь на стол.

— Уважаемая Палата, сторона заявителя только что под-

твердила истинную цель процесса. Речь идёт не о статусе моего доверителя и не о правовой определённости. Речь идёт о получении доступа к его смертной привязке. Прошу занести в протокол.

Белый повернулся к ней слишком быстро.

— Вы вырываете слова из контекста.

— Я юрист. Это называется цитировать.

— Вы не понимаете, с чем связались.

— Эту фразу я слышу уже второй день от разных мужчин, и пока ни один не приложил к ней убедительных доказательств.

Никита у двери тихо выдохнул что-то похожее на смешок. Средний распорядитель стукнул молоточком, но поздно: зал уже услышал. А Палата, как и всякая старая система, могла быть медленной, формальной и раздражающе холодной, но услышанное ею становилось частью дела.

— Фраза представителя заявителя внесена в протокол, — сказал молодой распорядитель.

Старуха посмотрела на него так, будто после слушания собиралась стереть ему не только улыбку, но и пару служебных полномочий.

Белый закрыл папку окончательно.

— В таком случае заявитель ходатайствует о проведении проверки в закрытом хранилище Палаты. Если смерть Коцея Бессмертного не будет обнаружена в перечне действующих привязок, статус должен быть признан переходным до

полного рассмотрения дела.

— Возражаю, — сказала Мира сразу. — Проверка закрытого хранилища по ходатайству представителя, личность которого оспорена, а доказательства проявили активное воздействие, является процессуальным самоуправством. Прошу сперва рассмотреть моё ходатайство о проверке личности Аристарха Белого.

Средний распорядитель переглянулся со старухой. Молодой сидел неподвижно, но его прозрачные пальцы слегка мерцали над столом, будто он готовился что-то подписать без разрешения.

— Палата удаляется на совещание, — объявил средний.

Три распорядителя не ушли. Вместо этого вокруг них поднялась полупрозрачная стена из страниц. Мира видела их силуэты, слышала шорох бумаги, но слов разобрать не могла. Зал ожил приглушёнными голосами. Белый отошёл к окну, за которым вместо московского переулка теперь виднелось серое поле с одинокой дорогой. Кошей сел обратно, застегнул манжету, и капля крови исчезла так аккуратно, будто её и не было.

Мира наклонилась к нему.

— Вы в порядке?

— Вопрос не имеет юридического значения.

— Зато имеет человеческое.

Он посмотрел на неё. Очень спокойно. Слишком спокойно.

— Не привыкайте искать во мне человеческое, Сказова. Это осложнит вашу работу.

— Мою работу осложняет не человеческое в вас, а ваша привычка его прятать под слоем древней надменности.

— Надменность хорошо защищает.

— От нормального разговора — точно.

Он хотел ответить, но в этот момент к ним подошёл Никита. Выражение его лица стало таким, что Мира сразу забывала про спор.

— У нас проблема, — сказал он тихо. — Только что исчез Грач.

— Он и так исчез, — напомнила Мира.

— Нет. Он был здесь. В списке внутренних свидетелей под временным допуском. Я только что увидел отметку на служебной панели. Дверь третьего порядка открылась, и его имя погасло.

Кощей поднялся.

— Куда ведёт дверь?

— В закрытые коридоры Палаты. Туда, где хранятся переходные дела до утверждения.

— Там могут лежать первичные документы по моему статусу, — сказала Мира.

— Там могут лежать документы, которые кто-то сейчас переписывает, — поправил Кощей.

Стена из страниц вокруг распорядителей начала опадать. Мира быстро села, но Никита остался рядом, изображая ней-

трального наблюдателя так плохо, что даже чёрт на поводке в дальнем ряду посмотрел бы убедительнее.

Средний распорядитель объявил решение:

— Палата принимает к рассмотрению ходатайство представителя Сказовой о проверке личности представителя заявителя, однако считает необходимым сперва обеспечить сохранность спорных материалов. В связи с риском утраты документов назначается немедленный осмотр закрытого хранилища с участием сторон, службы Междумирья и распорядителя Палаты. До окончания осмотра вопрос о переходном статусе Константина Вадимовича Чернобогова-Кошея откладывается.

Мира медленно выдохнула. Это была не победа, но отсрочка. Иногда в таких делах отсрочка значила больше, чем красивая речь.

Белый поклонился.

— Заявитель не возражает.

— Ещё бы, — пробормотала Мира.

Кощей услышал.

— Думаете, он этого хотел?

— Думаю, он привёл нас к двери, в которую мы сами теперь официально войдём. И это мне очень не нравится.

Молодой распорядитель поднялся со своего места. Вблизи он казался ещё менее живым: сквозь кисти просвечивали линии старых букв, будто он был написан на тонкой бумаге и лишь временно принял форму человека.

— Осмотр проведу я, — сказал он. — Распорядитель третьего порядка Феликс Туманов. Стороны следуют за мной. Ничего не трогать без разрешения Палаты, не читать вслух незнакомые заголовки, не подписывать документы, которые сами просят подписи, и ни при каких обстоятельствах не отвечать, если вас назовут полным именем из глубины коридора.

Мира поправила ремень сумки.

— У вас прекрасные правила безопасности. Очень успокаивающие.

— Это короткая версия, — ответил Туманов.

Они вышли из зала через боковую дверь. За ними двинулся Белый, бесшумный и вежливый, как чужая мысль. Никита шёл рядом с Мирой, Кощей — с другой стороны. Северин остался на полшага позади, но Мира почему-то была уверена, что если понадобится, он окажется впереди раньше, чем кто-либо успеет моргнуть.

Коридор третьего порядка не был похож на обычный коридор. Он изгибался без причины, стены то сближались, то расходились, дверей было больше, чем должно помещаться в здании, а на каждой висела табличка с делом, которое, судя по датам, иногда ещё не произошло. Откуда-то тянуло холодом и горелой бумагой.

Мира шла быстро, стараясь не смотреть на таблички. Одна всё равно успела броситься в глаза: «Дело о наследовании месяца мартом. Повторное рассмотрение». Другая обещала

«спор о праве собственности на левый рукав царевича». Третья была пустой, но Мира готова была поклясться, что пустота посмотрела ей вслед.

— У вас часто пропадают свидетели? — спросила она у Туманова.

— В Палате ничего не пропадает. Иногда оно временно находится не там, где должно.

— Бюрократический оптимизм бессмертен.

— Не употребляйте это слово рядом со спорной стороной без необходимости, — машинально сказал Туманов.

Кощей сухо заметил:

— Я постараюсь не оскорбиться собственным состоянием.

Они остановились перед узкой дверью из тёмного дерева. На ней не было ручки. Только круглая печать с изображением пера, чаши и ключа. Туманов приложил к печати ладонь, и его прозрачные пальцы на секунду стали почти настоящими.

— Закрытое хранилище переходных дел. Входят только названные участники осмотра. Маргарита Павловна Сказова, Константин Вадимович Чернобогов-Кошей, Никита Павлович Сказов, Северин без отчества, Аристарх Белый.

Дверь дрогнула.

Когда прозвучало имя Белого, печать потемнела.

Мира это увидела. Кощей тоже. Никита тихо положил руку на рукоять зонта.

— Повторите последнее имя, — сказала Мира.

Туманов нахмурился.

— Аристарх Белый.

Печать снова потемнела, а из щели под дверью вытекла тонкая струйка пепла.

Белый улыбнулся.

— Старые двери капризны.

— Старые двери, как правило, умнее людей, которые считают их капризными, — ответила Мира.

Туманов медленно повернулся к Белому.

— Палата не узнаёт имя.

— Палата устала.

— Палата не устаёт.

— Все устают, распорядитель. Даже истории.

На последнем слове коридор содрогнулся. Дверь распахнулась внутрь, хотя Туманов её не открывал. Из хранилища ударил запах горелых страниц, сырого камня и чего-то металлического, похожего на кровь, которую слишком долго держали в закрытой шкатулке.

В глубине хранилища на полу лежал человек.

Мира первой шагнула вперёд, но Кощей резко поймал её за локоть.

— Нет.

— Уберите руку.

— Посмотрите внимательнее.

Она посмотрела. Человек на полу был седым, худым, в мя-

том жилете, с нотариальной цепочкой на шее. Его лицо Миры видела в документах ночью: Грач. Исчезнувший нотариус. Только теперь кожа у него была серой, губы шевелились без звука, а пальцы правой руки были испачканы чернилами до костяшек.

Перед ним лежал раскрытый реестр. На странице горела незаконченная строка:

«Константин Вадимович Чернобогов-Кошей. Статус: перейти...»

Грач поднял глаза. Взгляд у него был мутный, но живой. Он увидел Миру, попытался что-то сказать и вместо слов выдохнул облачко пепла.

А потом из темноты за его спиной раздался тихий шелест, будто кто-то переворачивал огромную страницу.

— Наконец-то, — произнёс незнакомый голос из глубины хранилища. — Адвокат явилась к тексту.

Медное кольцо на пальце Миры вспыхнуло так ярко, что на стенах проступили сотни старых имён.

Кощей встал перед ней не полностью, не заслоняя, а закрывая ровно ту часть пространства, откуда шёл голос. И это почему-то разозлило её меньше, чем должно было.

— Сказова, — сказал он тихо. — Теперь не шутите.

Миры сжала папку так крепко, что картон хрустнул.

— Поздно, — ответила она, глядя в темноту. — Я уже придумала несколько вариантов.

Глава 4. Клиент не должен кусать адвоката

Медное кольцо на пальце Миры горело так ярко, что кожа под ним начала неприятно ныть, будто металл пытался вдавиться глубже, до самой кости. В обычный день это было бы поводом снять кольцо, бросить его в ближайшую вазу и потребовать у бабушки объяснений с приложением инструкции по эксплуатации. Но обычный день закончился где-то между попыткой признать Кощея мёртвым и моментом, когда в хранилище Междумирной палаты на полу обнаружился исчезнувший нотариус, выдыхающий пепел вместо слов.

Голос из темноты больше не повторялся, однако тишина от этого не стала спокойнее. Она будто расплзлась по стенам, зацепилась за стеллажи, легла на старые реестры и начала шуршать страницами, хотя никто к ним не прикасался. Грач лежал у раскрытого реестра, его пальцы судорожно царапали каменный пол, оставляя чёрные разводы, а незаконченная строка на странице продолжала тлеть: «Статус: перейти...»

— Никита, дверь, — сказал Кощей, не оборачиваясь.

— Я уже там, — отозвался брат Миры.

Он шагнул к проёму, но дверь хранилища, которая ещё мгновение назад была распахнута настежь, с глухим ударом

закрылась сама. Печать на створке вспыхнула, завертелась, как раскалённая монета, и потемнела по краям. Никита выругался тихо и крайне выразительно, после чего раскрыл зонт. Снаружи обычный старомодный аксессуар с деревянной ручкой, внутри — стальные спицы, покрытые вязью боевых знаков. В доме Сказовых зонты никогда не были просто зонтами, потому что бабушка Марфа считала доверие к погоде признаком слабого характера.

— Не открывается, — сообщил Никита. — И прежде чем кто-то предложит ударить сильнее, сообщаю: ударить сильнее я уже попробовал мысленно. Дверь обиделась.

Туманов, распорядитель Палаты, стоял в двух шагах от входа. Прозрачность его лица стала гуще, будто призрачная плоть испугалась и решила вспомнить, каково это — быть живой. Он провёл ладонью над печатью, но та ответила короткой чёрной искрой.

— Хранилище не должно закрываться при осмотре, — произнёс он. — Это против регламента.

— Замечательно, — сказала Мира, не отводя глаз от темноты. — Передайте хранилищу дисциплинарное взыскание, когда оно перестанет пытаться нас съесть.

— Хранилище никого не ест, — автоматически возразил Туманов.

Из дальнего ряда стеллажей раздался хруст, будто кто-то перекусил сухую обложку старой книги.

— Хотите уточнить формулировку? — спросила Мира.

Кощей чуть повернул голову, и его тёмный взгляд скользнул по ней с холодной внимательностью. Он стоял близко, не закрывая её полностью, но так, чтобы принять первый удар, если из глубины действительно вылетит что-то с зубами. Вчера Мира сочла бы это проявлением высокомерного мужского инстинкта и, вероятно, сказала бы что-нибудь о том, что не занимала личную стену. Сейчас она видела, что он оставляет ей линию обзора и пространство для действий. Не прячет. Учитывает.

Это было неожиданно разумно и поэтому раздражало.

— Белый, — позвал Кощей негромко.

Аристарх Белый стоял у правого стеллажа. Бледный, безупречно одетый, с тем самым лицом человека, который зараннее простил всем их неосведомлённость. На нём не было заметно ни страха, ни удивления. Только лёгкая улыбка, слишком спокойная для ситуации, в которой исчезнувший нотариус лежал у них под ногами, а древнее хранилище пахло кровью, пеплом и чужим вмешательством.

— Да, Константин Вадимович? — отозвался он.

— Вы сказали, что старые двери устают.

— Иногда я позволяю себе образность речи.

— Вы редко позволяете себе что-либо случайное.

Белый улыбнулся шире.

— Какое лестное наблюдение.

— Не обольщайтесь, — вмешалась Мира. — У него это звучит как протокол вскрытия.

Аристарх перевёл на неё взгляд, и медное кольцо отозвалось новым жаром. Не ложь. Не совсем. Скорее, рядом с Белым слова переставали вести себя честно: смыслы скользили, как мокрые камни, намерения прятались за правильными оборотами, а вежливость становилась похожа на тонкую плёнку льда поверх чёрной воды.

— Вы очень наблюдательны, Маргарита Павловна, — сказал он.

— А вы очень довольны собой для человека, которого только что не признала дверь.

— Двери имеют право на ошибку.

— У дверей обычно нет вашего мотива.

Белый едва заметно приподнял брови. Никита за её спиной тихо хмыкнул, и это хмыканье прозвучало почти одобрительно. Мира не обернулась. Она слишком хорошо знала брата: если Никита одобрял ход разговора, значит, его зонт уже был направлен в нужную сторону.

Грач снова зашевелился. Его губы дрогнули, и изо рта вырвался сиплый звук, похожий на скрежет пера по мокрой бумаге.

— Не... читать...

Мира резко опустилась рядом с ним на колени, но Кощей поймал её за плечо.

— Осторожно.

— Я слышала с первого раза, — бросила она. — Если будете хватать меня каждые десять секунд, я внесу это в до-

говор отдельным пунктом.

— Договор между нами ещё не составлен.

— Вот именно. Не злоупотребляйте пробелами.

Он отпустил. Неохотно, но отпустил. Это тоже было новым. Кощей Бессмертный не выглядел как мужчина, который часто меняет решения, особенно после того, как уже счёл их правильными. Мира наклонилась к Грачу, стараясь не коснуться реестра. Чернила на его пальцах выглядели живыми: они шевелились в трещинах кожи, вытягивались тонкими нитями и возвращались обратно, будто искали выход.

— Грач, вы меня слышите? — спросила она.

Он моргнул. Один раз, медленно.

— Кто это сделал?

Губы дрогнули, но ответа не было. Вместо него из раскрытого реестра поднялась тонкая серая дымка и сложилась над страницей в строчку. Буквы проявлялись одна за другой, старинные, острые, с хвостами, похожими на крючья.

«Адвокат явилась. Свидетель найден. Текст принимает продолжение».

— Вот это уже начинает меня раздражать, — сказала Мира.

— Только начинает? — уточнил Никита.

— У меня высокая профессиональная терпимость к идиотам, документам и потусторонним попыткам драматизировать.

Туманов осторожно вытянул руку к реестру.

— Нельзя допустить самовольной записи в судебный регистр.

— Не трогайте, — одновременно сказали Мира и Кощей. Распорядитель застыл.

Кощей смотрел на страницу так, словно видел перед собой не бумагу, а старого врага, который пришёл на встречу в новом пальто. Его лицо не изменилось, но воздух вокруг стал тяжелее. Невидимая сила собралась у него за плечами, как тень огромных крыльев, и по стеллажам пробежал шёпот. Несколько папок сами отодвинулись подальше от края полки.

— Это не регистр, — сказал он. — Это приманка.

— Для кого? — спросила Мира.

— Для вас.

— Как неожиданно. Я думала, все эти угрозы, послания и пепельные нотариусы — часть программы лояльности для бессмертных клиентов.

Кощей не улыбнулся. Даже почти.

— Он сказал: адвокат явилась к тексту. Не наследник. Не должник. Не я. Адвокат.

Мира выпрямилась, и кольцо на её пальце медленно остыло, будто согласилось с этим выводом. Ей стало не по себе, но это неприятное чувство не превратилось в страх. Страх был роскошью для людей, у которых есть время красиво дрожать в углу. У Миры времени не было, зато имелся живой нотариус, закрытое хранилище, подозрительный представитель Па-

латы и древний бессмертный клиент, от которого пахло холодом, дорогим парфюмом и чужими похоронами.

— Значит, я нужна тексту, — сказала она. — Прекрасно. Пусть запишется на консультацию.

Из темноты снова донёлся шелест страниц. На этот раз он был ближе. Стеллажи вытянулись вверх, хотя потолок хранилища никуда не поднимался. Ряды папок сдвинулись, образуя узкий проход, которого минуту назад точно не было. На полу одна за другой вспыхнули тусклые строки, словно кто-то невидимый писал их раскалённым пером прямо по камню.

«Раздел имущества бессмертного. Осмотр доказательств. Проверка статуса. Свидетельство о завершении».

— Оно строит процедуру, — выдохнул Туманов. — Хранилище приняло внешний сценарий.

— Переведите с канцелярского на живой, — потребовал Никита.

— Кто-то навязал Палате чужой порядок действий. Если мы пойдём по нему, хранилище будет считать происходящее законным.

— А если не пойдём?

Из прохода слышался короткий смешок. Не человеческий. Слишком сухой, бумажный.

— Тогда порядок применят принудительно, — сказал Кощей.

— Ненавижу бюрократию, которая кусается, — пробормо-

мотал Никита.

Мира посмотрела на Грача. Нотариус снова пытался что-то сказать. Его взгляд метался между ней и проходом, а рука медленно тянулась к странице реестра. Она перехватила его запястье раньше, чем он коснулся бумаги. Чернильные нити дёрнулись к её пальцам, но медное кольцо вспыхнуло, и они отпрянули.

— Не читать, — повторила Мира. — Я поняла. А что делать?

Грач с усилием повернул ладонь. На его коже, прямо поверх чернильных разводов, проступили три буквы: «ЯГА».

Никита присвистнул.

— Вот теперь вечер стал окончательно семейным.

— Он не сказал «Яга», — заметил Туманов, вглядываясь в буквы. — Он написал.

— Какая тонкая юридическая разница, — сказала Мира. — Особенно если человек вместо речи выдыхает пепел.

Кощей наклонился. Его тень легла рядом с её рукой, и чернила на коже Грача снова забились, как мелкая чёрная рыба.

— Это не просьба, — сказал он. — Это направление.

— К Бабе Яге?

— К тому, кто сможет снять с него записывающую печать.

— Записывающую? — Мира медленно повернулась к нему. — То есть его не просто заставили оформить документы, его использовали как перо?

— Как перо, чернильницу и свидетеля.

— Удобно. Чудовищно, но удобно.

— Магия часто удобна для того, кто не платит её цену.

В его голосе не было пафоса. Только знание. Мира вдруг ясно представила, как много раз он видел такие вещи, и как давно перестал удивляться способам, которыми одни существа ломают других ради красивой строки в нужном документе. Ей захотелось сказать что-то резкое, чтобы вернуть разговор на привычную безопасную территорию. Но из прохода вышла первая тень.

Она была похожа на человека, которого долго рисовали на плохой бумаге, а потом смыли дождём. Лицо не держалось, линии расплывались, руки тянулись слишком низко, почти до пола. Вместо глаз зияли пустые места, заполненные мелким шрифтом. На груди у тени висела табличка с выцветшей надписью: «Свидетель со стороны наследников».

За ней появилась вторая. Потом третья. Они выходили молча, переступая через горящие строки, и каждая была соткана из бумаги, пепла и чужих показаний.

— Это ещё что за канцелярский театр? — спросил Никита, поднимая зонт.

— Тени дел, — ответил Туманов. — Неоформленные свидетельства, ложные показания, мёртвые заявления. Их не должно быть в активном хранилище.

— Сегодня у нас вообще многое не должно быть, — сказала Мира и поднялась. — Но, видимо, расписание никто не согласовал.

Первая тень дёрнулась к Грачу. Кощей поднял руку, и из его пальцев вырвалась чёрная вязь. Она ударила по тени, сжала её, как цепь, и разорвала на клочки. Клочки не упали. Они разлетелись страницами, закружились в воздухе и начали собираться обратно.

— Не уничтожаются, — сказал Кощей.

— Может, вы просто плохо стараетесь? — Никита шагнул вперёд и ударил зонтом по второй тени. Спицы вспыхнули белым огнём, тень отлетела в стеллаж, рассыпалась на печати и тут же поползла обратно, раздражённо шурша.

— Плохо старается бюрократия, — отозвался Никита. — Я работаю качественно.

Мира схватила папку с материалами дела, которую всё ещё держала при себе, и лихорадочно пролистала страницы. Где-то должен был быть способ. У любой процедуры есть слабое место, особенно если её навязывают через документы. Слова не просто описывали магию. В её семье это знали лучше многих: правильно сказанное слово могло открыть дверь, остановить проклятие или испортить человеку жизнь без единого запрещённого заклинания.

Тени приближались. Белый отступил к стеллажу, но не выглядел человеком, которого ситуация застала врасплох. Наоборот, он наблюдал. Именно наблюдал, а не спасался. Мира краем глаза отметила это и мысленно поставила жирную галочку рядом с его именем. Потом увидела на одной из горящих строк повторяющуюся формулу: «Свидетель со

стороны наследников подтверждает завершение статуса».

— Они держатся на роли, — сказала она.

— Что? — Кощей развернул новую цепь, удерживая сразу две тени.

— Им навязана процессуальная роль. Свидетели со стороны наследников. Пока роль существует, они возвращаются.

— Как отменить роль? — спросил Никита.

— Лишить оснований.

— Мира, я люблю твой мозг, но сейчас желательно без лекции.

Она бросила на него короткий взгляд.

— Они свидетели наследников по делу о смерти Кощей. Если смерть не подтверждена, наследников в деле нет, а значит, нет стороны, а значит, нет свидетелей.

— Теперь звучит как лекция, но с надеждой.

Кощей понял раньше остальных. Его взгляд скользнул к реестру.

— Вам нужно заявить возражение.

— Мне нужно, чтобы вы не мешали.

— Я буду удерживать их.

— Вот это уже похоже на полезного клиента.

— Постарайтесь не привыкать.

— Не переживайте, у вас слишком сложный характер для привычки.

Он всё-таки улыбнулся уголком губ, но тут же исчез за вспышкой тёмной силы. Тени бросились разом, и хранили-

ще взвыло. Стеллажи дрогнули, папки посыпались на пол, печати лопались в воздухе с хлопками, похожими на выстрелы. Никита прикрыл Туманова, который пытался удержать дверь от окончательного запечатывания. Северин, до этого молчавший у стены, вытащил из рукава тонкий серебряный клинок. Мира даже не успела удивиться, что водитель Кошея носит в рукаве оружие, потому что в их компании это было уже почти вежливо.

Она шагнула к реестру.

Страница подняла край, как живое существо. Чернила заблестели, готовые принять продолжение. От бумаги тянуло холодом и чужим приказом. Если она ошибётся, запись может ухватить её слово, встроить в сценарий и сделать участницей чужого текста. Бабушка наверняка сказала бы: «Не суй руку в пасть, пока не знаешь, где у неё зубы». Мира мысленно ответила бабушке, что поздно, потому что пасть сама пришла на работу.

— Я, Маргарита Павловна Сказова, представитель интересов Константина Вадимовича Чернобогова-Кошея, заявляю возражение против принятия показаний неустановленных лиц, именуемых свидетелями со стороны наследников, — произнесла она чётко.

Слова легли в воздух тяжёлыми золотыми линиями. Медное кольцо вспыхнуло, усиливая каждую формулировку, и на стенах хранилища разом отозвались старые имена. Тени остановились. Не исчезли, но замерли, будто им приказали

ждать.

— Основание? — прошелестел тот самый голос из глубины.

— Отсутствие установленного факта смерти доверителя, отсутствие открытого наследственного производства, отсутствие надлежащим образом определённой стороны наследников и недопустимость доказательств, полученных с нарушением воли свидетеля.

— Воля свидетеля повреждена, — ответил голос. — Повреждённая воля не учитывается.

Мира почувствовала, как по позвоночнику прошёл холод. Грач тихо застонал. В этой фразе было что-то не просто жестокое, а привычное, почти деловое. Так говорят люди, которые давно привыкли считать чужую боль техническим условием.

— Ошибаетесь, — сказала она. — Повреждённая воля не отменяет личность. Она делает доказательство ничтожным.

Реестр затрясся. Из страницы поднялась чёрная полоса, свернулась в тонкое жало и метнулась к Мире. Кощей оказался рядом мгновенно. Его рука перехватила жало в воздухе. Чёрная магия и чернила столкнулись, зашипели, и на его ладони выступили тёмные ожоги.

— Я просила не мешать, — сказала Мира сквозь зубы.

— Это не мешать. Это не дать вас проткнуть.

— Разница тонкая.

— Зато жизненно важная.

Она хотела ответить, но в этот момент одна из теней, воспользовавшись их секундной заминкой, сорвалась с места и бросилась к Грачу. Мира успела только повернуться. Тень раскрылась, как лист, полный мелкого шрифта, и накрыла нотариуса. Грач захрипел, его спина выгнулась, а незаконченная строка в реестре вспыхнула заново.

«Статус: перейти...»

— Нет уж, — сказала Мира.

Она схватила край тени голой рукой.

Боль ударила сразу. Бумага оказалась ледяной и режущей, будто тысячи мелких букв впились в кожу. Перед глазами мелькнули чужие фразы: «подтверждаю», «видел», «признаю», «заверяю», «не возражаю». Сотни голосов, когда-то записанных без желания, повисли на ней, пытаясь продавить её собственную волю. Мира стиснула зубы и рванула тень на себя.

— Мира! — крикнул Никита.

— Работаю!

Кощей шагнул к ней, но она подняла свободную руку, не глядя. Остановила. Сейчас нельзя было, чтобы он вмешался. Не потому, что она хотела доказать свою самостоятельность. Просто тень держалась за роль, за текст, за процедуру. Грубой силой её можно было рвать бесконечно. А Мира была не грубой силой. Она была словом, поставленным в нужном месте.

— Свидетель Грач находится под воздействием внешней

записывающей печати, — произнесла она, удерживая тень. — Его воля не выражена свободно. Любые действия, совершённые им после наложения печати, подлежат проверке на принуждение.

Тень завизжала. Это был не звук боли, а звук рвущейся бумаги. По хранилищу ударил ветер. Волосы Миры хлестнули по лицу, документы взлетели, а горящие строки на полу начали гаснуть одна за другой.

— Адвокат спорит с текстом, — прошелестел голос. — Адвокат забывает, что текст старше её.

— Текст может быть старше, — ответила Мира, чувствуя, как кровь стекает по ладони, — но я свежее редакция.

Никита в такой момент, конечно, не выдержал.

— Вот за это я её и боюсь, — сказал он с искренней гордостью.

Кощей резко сомкнул пальцы на чёрном жале, которое всё ещё пыталось пробить его ладонь, и сжал его до пепла.

— Основания приняты, — произнёс он низко, и его голос вдруг прозвучал не как голос клиента, а как голос древнего договора. — Свидетели со стороны отсутствующей стороны не имеют силы.

Тени дрогнули. Таблички на их груди треснули. Слова «со стороны наследников» осыпались пылью, и вместе с ними фигуры потеряли форму. Они рассыпались на листы, закружились в воздухе, а потом упали на пол обычной серой золой.

Мира отпустила край последней тени и едва не потеряла равновесие. Рука горела. На ладони остались тонкие порезы, складывающиеся в буквы, но буквы расползались и исчезали, не успев стать словами. Кощей оказался рядом снова. На этот раз он не схватил её, а просто подставил руку, давая возможность опереться или не опираться.

Выбор был оставлен ей.

Мира посмотрела на эту руку. На пальцы в чёрной перчатке, на тёмное пятно ожога у запястья, на слишком спокойное лицо мужчины, который только что принял удар вместо неё и не счёл нужным сделать из этого спектакль. Потом всё-таки оперлась. На секунду. Исключительно по медицинским причинам и потому, что падать в пепел было бы непрофессионально.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— Не за что.

— Не привыкайте.

— Уже поздно, вы начали.

Она подняла на него взгляд. Кощей смотрел на неё внимательно, без привычной насмешливой холодности. В этом взгляде было что-то опасно живое, и Мира поспешила вернуть себе раздражение, потому что раздражение в их ситуации было куда безопаснее, чем всё остальное.

— Ваши ожоги, — сказала она.

— Заживут.

— Бессмертный клиент с ожогами — плохая реклама для

адвоката.

— Адвокат, спорящий с живым текстом голыми руками, тоже спорное вложение.

— Зато эффектное.

— Безусловно.

И он сказал это так, что в слове не было ни капли издёвки.

Туманов наконец оторвался от двери. Печать на створке посветлела, но не открылась. Распорядитель выглядел так, словно пережил одновременно нарушение регламента, покушение на делопроизводство и личное оскорбление от архитектуры.

— Хранилище частично восстановило порядок, — сообщил он. — Но внешний сценарий не снят полностью. Мы всё ещё заперты.

— Что ему ещё надо? — спросил Никита.

— Завершения осмотра, — ответил Кошей.

Мира посмотрела на проход, который всё ещё темнел между стеллажами. Там уже не шуршали тени, но в глубине мерцал слабый золотой свет. Слишком манящий, чтобы быть безопасным. Слишком аккуратно оставленный, чтобы быть случайным.

— Конечно, — сказала она. — Потому что нормальные преступники оставляют записку, а наши строят экскурсионный маршрут.

Белый мягко откашлялся.

— Раз уж угроза временно устранена, возможно, стоит

придерживаться процедуры и осмотреть то, ради чего хранилище открылось.

Никита повернул к нему зонт.

— А возможно, стоит вас связать и спросить, почему дверь вас не признала.

— Никита Павлович, вы же не хотите нарушить порядок осмотра.

— Вы недооцениваете, как сильно я хочу нарушить порядок осмотра.

— Никита, — сказала Мира, не глядя на брата.

— Что?

— Пока не трогай.

— Мне не нравится слово «пока» только потому, что оно даёт надежду.

— Надежда — полезная вещь.

Белый смотрел на них с всё той же улыбкой, но теперь в ней появилась тонкая трещина. Кажется, семейная манера обсуждать потенциальный арест подозреваемого прямо при нём оказалась не тем, к чему он привык.

— Маргарита Павловна, — обратился он к Мире, — я понимаю вашу эмоциональную реакцию, но обвинять представителя Палаты без доказательств...

— Я вас не обвиняю, — перебила она. — Я вас запоминаю.

— Это угроза?

— Это хуже. Профессиональный интерес.

Северин едва заметно улыбнулся. Для человека, который за всё время сказал меньше пяти фраз, это было почти оваццией.

Грач снова застонал, и все разговоры оборвались. Мира присела рядом с ним. Нотариус выглядел хуже: кожа посерела сильнее, на висках проступили чёрные прожилки, а буквы «ЯГА» на ладони начали расплываться.

— Его нужно вывести, — сказала она.

— Невозможно, пока дверь закрыта, — ответил Туманов.

— Но я могу наложить стабилизирующую печать.

— Нет, — сказал Кощей.

Туманов возмущился почти по-человечески.

— Я распорядитель Палаты и имею право...

— На нём уже одна печать, наложенная через документы Палаты. Вторая может закрепить первую.

Распорядитель замолчал. Это молчание было неприятным, потому что означало: Кощей прав.

Мира аккуратно сняла с шеи тонкий платок, который утром выбирала под цвет жакета, а теперь использовала не по назначению третий раз за день. Она обмотала Грачу руку, закрывая чернильные прожилки от воздуха. Кольцо на её пальце тихо щёлкнуло, будто одобрило решение.

— Держитесь, — сказала она нотариусу. — Мы вас отсюда вытащим, а потом вы мне подробно расскажете, кто заставил вас подписывать эту дрянь.

Грач едва заметно качнул головой. Не отрицание. Скорее

страх.

— Расскажите, — повторила Мира твёрже. — Потому что я очень не люблю, когда свидетели умирают до объяснений. Это портит процесс и настроение.

Его губы дрогнули. Возможно, это была попытка улыбнуться.

Кощей присел по другую сторону и положил два пальца на край платка. От его руки пошёл холод, но не мёртвый, а чистый, как зимнее стекло. Чернила под тканью замедлились.

— До Яги дотянет, — сказал он.

— У вас с ней такие доверительные отношения, что она нас примет без очереди?

— У нас с ней такие отношения, что очередь сама нас пропустит.

— Звучит многообещающе и тревожно.

— Обычно так и бывает.

Никита кашлянул.

— Простите, что отвлекаю от обмена семейно-ведьминскими намёками, но у нас там свет в конце прохода. В нормальных историях к нему не ходят.

— В нормальных историях вообще не пытаются признать Кощей мёртвым через Палату, — сказала Мира.

— Справедливо.

Она поднялась, стараясь не показать, как сильно болит ладонь. Кощей заметил, конечно. Его взгляд на секунду задержался на её руке.

— Дайте посмотреть.

— Вы врач?

— Я жил достаточно долго, чтобы разбираться в ранах.

— Вот когда проживёте достаточно долго, чтобы не командовать, тогда поговорим.

— Сказова.

— Бессмертный.

Они посмотрели друг на друга. Никита вздохнул слишком театрально.

— Если вы закончите флиртовать угрозами, я бы хотел выбраться до старости. Хотя, глядя на некоторых, понимаю, что старость не всегда аргумент.

Кощей даже не повернул головы.

— Сказов, если вы ещё раз назовёте это флиртом...

— А что, нет? — невинно спросил Никита.

— Никита, — сказала Мира.

— Молчу. Но мнение оставляю при себе, где ему, конечно, тесно.

В глубине прохода снова вспыхнул свет. На этот раз он сложился в прямоугольник, похожий на дверцу шкафа или сейфа. Хранилище ждало. И чем дольше оно ждало, тем отчётливее Мира чувствовала давление чужого сценария: не приказ, не угрозу, а настойчивое предложение сыграть отведённую роль. Пройти. Увидеть. Подтвердить. Принять.

Она ненавидела, когда ей предлагали роль без возможности переписать реплики.

— Идём, — сказала она.

— Я впереди, — тут же заявил Кощей.

— Нет.

— Сказова.

— Вы не впереди, вы рядом. Если вам сложно понять разницу, я нарисую схему.

Кощей чуть прищурился.

— Вы всегда спорите с теми, кто пытается вас защитить?

— Нет. Только с теми, кто путает защиту с управлением.

Между ними повисла пауза. Не громкая, но плотная. Никита перестал улыбаться. Даже Белый отвёл взгляд, будто понял, что сейчас речь идёт не о проходе между стеллажами. Кощей долго смотрел на Миру, а потом шагнул так, чтобы оказаться рядом, не впереди.

— Рядом, — сказал он.

Мира кивнула.

— Вот видите, вы обучаемы.

— Не злоупотребляйте.

— Поздно. Я уже начала.

Они двинулись по проходу. Никита шёл позади Миры слева, зонт держал раскрытым, как щит. Северин — справа от Грача, которого Туманов и он осторожно подняли, поддерживая под руки. Белый замыкал группу, и это Мире очень не нравилось. Ей хотелось видеть его перед собой, желательно в наручниках и под ярким светом, но хранилище упорно выстраивало их именно так. Значит, Белому пока была отве-

дена роль наблюдателя. Или кукловода, который ещё не решил, когда дёрнуть за нить.

Стеллажи тянулись по обе стороны, и папки на них менялись на глазах. Сначала Мира видела обычные архивные дела: плотные обложки, номера, печати, фамилии. Потом названия стали страннее. «О передаче серебряного блюда третьему лицу». «О возмещении ущерба от самовольного использования ковра-самолёта». «О признании избушки жилым помещением с нестандартной планировкой». На одной папке красовалась надпись: «Иван-дурак против Министерства просвещения. О защите деловой репутации». Никита, несмотря на напряжение, наклонился к ней.

— Надо будет почитать.

— Нельзя.

— Ты даже не знаешь, о чём я.

— Знаю. И нельзя.

— У тебя скучная работа.

— У меня работа, где люди пытаются убить меня документами.

— Ладно, не скучная. Просто токсичная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.